

Джеффри
ДИВЕР

**СОБИРАТЕЛЬ
КОСТЕЙ**

Санкт-Петербург

*Посвящается моей семье:
Ди, Дэнци, Джули, Этель и Нельсону, —
яблоки падают недалеко от яблони, —
написано также и для Дианы*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КОРОЛЬ НА ДЕНЬ

Настоящее в Нью-Йорке настолько властно
и могущественно, что зло теряется в нем.

Джон Джей Чапмэн

ГЛАВА 1

Пятница, 22:30 — суббота, 15:30

Единственное, чего ей хотелось, так это спать.

Самолет приземлился с опозданием почти на два часа, после чего им пришлось выстаивать бесконечную очередь, чтобы получить багаж. В дополнение ко всему фирма, предоставляющая машины внаем, подвела их и заказанный лимузин отъехал час назад. Им пришлось ждать такси.

Она стояла в длинной очереди пассажиров, и ее тонкая фигура клонилась набок — тяжелый ноутбук оттягивал руку. Джон бубнил что-то о процентных ставках и способах изменения договорных обязательств, а она думала только о том, что сегодня пятница и уже половина одиннадцатого вечера — самое время нырнуть в пижаму и завалиться спать.

Она смотрела на длинную вереницу такси, цветом и количеством напоминавших ей массу насекомых. По спине женщины прошла дрожь: она вспомнила, как в детстве, когда их семья жила в горах, они с братом нашли труп барсука. Перевернув животное, дети увидели под ним тысячи копошащихся рыжих муравьев и некоторое время с отвращением наблюдали их возню.

Ти-Джей Колфакс сделала шаг вперед навстречу машине, взвизгнувшей тормозами. Нажав кнопку на приборной панели, таксист открыл багажник, даже не думая вылезать из автомобиля. Им пришлось

погрузить вещи самим, что сразу же не понравилось Джону. Он привык, чтобы за него все делали другие. Женщину такие мелочи не трогали: она до сих пор удивлялась, что имеет секретаря, но предпочитала печатать документы собственноручно. Ти-Джей ловко уложила свой чемодан в багажник, захлопнула его и устроилась на сиденье.

Джон сел рядом, вытирая вспотевшее жирное лицо и блестящую лысину. Можно было подумать, что погрузка багажа стоила ему бог весть каких усилий.

— Остановитесь сначала на Восточной Семьдесят второй, — бросил он водителю через стекло.

— А потом вверх по Западному Манхэттену, — добавила Ти-Джей.

Стекло, отделявшее водителя, было таким мутным, что различались лишь неясные очертания фигуры шофера. Машина рванулась с места и направилась в сторону Манхэттена.

— Взгляни-ка, — пробурчал Джон, — вот из-за чего в городе столько народу!

Он указал толстым пальцем на огромный плакат, приветствующий участников Всемирной конференции ООН, которая должна была начаться уже в понедельник. В город съехалось около десяти тысяч гостей. Ти-Джей устало взглянула на плакат, изображающий улыбающихся и весело машущих руками людей: белых, черных и желтых. Однако это «произведение искусства» не вызвало у нее положительных эмоций. Пропорции и цвета были искажены настолько, что все лица казались

одутловатыми и нездоровыми.

— Какие-то «похитители тел», — недовольно буркнула она.

Машина мчалась мимо постов береговой охраны и бруклинских причалов, и даже асфальт, блестящий в свете желтых фонарей, тоже производил неприятное впечатление.

Джон перестал ворчать, достал свой «Техас инструментс» и защелкал клавишами. Откинувшись на сиденье, Ти-Джей смотрела в окно на нависшее над тротуаром марево и тупые лица обывателей. Разомлевшие от жары жители Нью-Йорка сидели на ступеньках своих домов и безразлично смотрели на улицу.

В машине тоже было душно, и Ти-Джей нажала на кнопку, чтобы приспустить стекло. Ее даже не удивило, что окно не отреагировало на ее движение, и женщина потянулась к противоположной дверце. И только тут она обратила внимание, что на дверях автомобиля отсутствуют внутренние ручки замков.

Она провела рукой по обивке, но поверхность была совершенно гладкой, словно ручки срезали нарочно.

— Что случилось? — спросил Джон.

— Эти двери невозможно открыть изнутри.

Пока Джон недоуменно переводил взгляд с одной двери на другую, мимо окна промелькнул знак поворота в туннель Мидтаун.

— Эй! — постучал он в плексигласовую перегородку. — Вы проехали поворот. Куда вы нас везете?

— Может быть, он решил везти нас в объезд, через Куинс? — высказала предположение Ти-Джей. Ехать через мост было бы несколько дольше, зато не пришлось бы платить налог за проезд по туннелю. Она наклонилась вперед и постучала в стекло кольцом. — Вы везете нас к мосту?

Водитель не отреагировал.

— Эй!

Через несколько секунд машина миновала и поворот на Куинсборо.

— Вот скотина! — выругался Джон. — Похоже, он везет нас в Гарлем. Могу даже поспорить, что в Гарлем.

Ти-Джей увидела за окном поравнявшуюся с ними машину и изо всех сил забарабанила кулаками по стеклу.

— Помогите! — выкрикнула она. — Пожалуйста...

Водитель взглянул на нее раз, потом другой и нахмурился. Притормозив, он пропустил такси и пристроился ему в хвост, но оно вдруг резко свернуло в сторону Куинса, влетело в переулок и помчалось через бесконечные ряды складов. Сейчас они ехали со скоростью не менее шестидесяти миль в час.

— Что вы делаете?! — Ти-Джей в отчаянии заколотила по разделительному стеклу. — Куда вы...

— Господи, только не это! — испуганно воскликнул Джон. — Ты только взгляни!

Водитель натянул на лицо лыжную маску с прорезью для глаз.

— Чего вы хотите?! — заорала Ти-Джей. — Денег? Мы отдадим вам все деньги!

В ответ они не слышали ни слова.

Женщина растегнула сумку, вытащила из нее ноутбук и изо всех сил ударила углом корпуса в боковое стекло. Сила удара оказалась недостаточной, но резкий звук испугал водителя: такси дернулось в сторону, чуть было не задев кирпичную стену старого здания, мимо которого они проезжали.

— Деньги! Сколько вы хотите? Я могу дать вам очень много! — брызжа слюной, выкрикивал Джон. По его толстым щекам потекли слезы.

Ти-Джей еще раз изо всей силы нанесла удар ноутбуком по стеклу автомобиля. Экран разлетелся на куски, но окно осталось целым. Женщина предприняла еще одну попытку, но безуспешно. И то, что раньше было компьютером, бесформенной массой вывалилось из ее рук.

— Вот дерьмо!

Обоих пассажиров резко бросило вперед, когда машина затормозила в узком темном тупике.

Водитель выбрался наружу, держа в руке маленький пистолет.

— Пожалуйста, не надо! — взмолилась Ти-Джей.

Мужчина обошел машину сзади, вглядываясь через грязные стекла. Потом он остановился и некоторое время неподвижно наблюдал за пассажирами, тогда как те, прижавшись друг к другу вспотевшими телами, замерли в ожидании.

Водитель закрылся руками от света, мешавшего

ему рассмотреть своих пленников, и прильнул к стеклу.

Внезапно в воздухе раздался странный звук — то ли хлопок, то ли треск. Ти-Джей вздрогнула, а Джон невольно вскрикнул.

Где-то вдалеке, за спиной шофера, небо осветилось яркими красно-синими полосами. Звук повторился, к нему присоединились восторженные свистки и крики людей. Водитель повернулся и поднял голову. В небе над городом раскинул растопыренные лапы огромный оранжевый сверкающий паук.

Только сейчас Ти-Джей вспомнила, что сегодня читала в «Таймс» о готовящемся фейерверке в Нью-Йорке. Это был своего рода подарок мэра и Генерального секретаря ООН делегатам конференции, которых приветствовал величайший город планеты.

Наконец водитель с громким щелчком отпер дверцу и медленно отворил ее.

Звонок был анонимный. Как всегда.

Отследить его не удалось, так как по нескольким направлениям еще не было установлено контрольных коммутаторов. Центральный пост смог лишь объявить, что звонивший говорил из района Тридцать седьмой и Одиннадцатой улиц.

Изрядно вспотев, хотя было всего девять часов утра, Амелия Сакс пробиралась сквозь заросли высокой травы. Она шла «челноком», как у криминалистов называется способ поиска, когда человек движется, описывая одну лежащую восьмерку

за другой. Ничего. Амелия взялась за микрофон, прикрепленный к лацкану синей форменной рубашки.

— Говорит пять-восемь-восемь-пять. Тут ничего нет. Центральный, жду дальнейших распоряжений.

Сквозь шорохи помех прорвался голос диспетчера:

— Пока больше ничего, пять-восемь-восемь-пять. Только вот что... звонивший сообщил, что очень надеется на смерть жертвы. Как слышите?

— Центральный, повторите еще раз.

— Звонивший сообщил, что очень надеется на смерть жертвы. Для ее же блага. Как поняли?

— Сигнал принят.

Надеялся, что жертва мертва?

Амелия обыскала еще один участок, но так же безрезультатно.

Ей хотелось плюнуть на все это, набрать номер 10-90, по которому сообщают о пропавших людях, и отправиться восвояси. У нее побаливали колени, а все тело в этой изнуряющей августовской жаре пылало, как рагу в духовке. Она мечтала о том, как окажется в Порт-Оторити и в компании ребят выпьет баночку ледяного чая. Затем, часа через два, в половине двенадцатого, она заглянет в участок, соберет вещи, а потом отправится на занятия.

Но сейчас она совершенно не могла так поступить. Нельзя было проигнорировать подобный вызов. Поэтому Амелия упорно продолжала поиски: сначала она прошла по раскаленному асфальту тротуара, потом исследовала пустырь между двумя заброшенными домами, затем снова направилась в

заросшее сорняками огромное поле.

Сдвинув форменную фуражку, она запустила пальцы в свои густые рыжие волосы и принялась чесать зудевшую от пота голову. Амелия повторила эту процедуру несколько раз: капельки соленой влаги стекали по лбу и пропитывали брови.

«Последние два часа на улице, — думала она. — Ничего, с этим можно смириться».

Сакс добралась до кромки кустов и тут, впервые за утро, вдруг ощутила беспокойство. За ней явно кто-то наблюдал.

В высохших ветвях шуршал горячий ветер, а по шоссе проносились грузовики и легковушки, въезжая и выезжая из туннеля Линкольн. Женщина задумалась о том, как должен вести себя в подобном случае патрульный офицер. Амелия отдавала себе отчет, что в таком шумном городе к ней могут подобраться сзади на расстояние, достаточное для удара ножом, а она ничего и не услышит.

Она резко обернулась.

Ничего. Только сухие листья, ржавеющие останки техники и прочий хлам.

Она взобралась на груды камней и поморщилась.

В возрасте тридцати одного года — всего тридцати одного, как говорила ее мать, — Амелия Сакс уже страдала артритом. Эту болезнь она унаследовала от своего деда, в то время как мать наградила ее гибкой и стройной фигурой, а отец — привлекательностью (оставалось непонятным только наличие рыжей гривы). Он также привил ей чувство здорового

карьеризма. Еще один приступ боли в ногах настиг ее, когда Амелия, пробравшись через заросли кустов, остановилась на самом краю крутого спуска длиной футов тридцать.

Перед ней простирался глубокий каньон, врезанный в коренные скальные породы Западного Манхэттена, по которому были проложены железнодорожные пути северного направления.

Она прищурилась, вглядываясь в обрывистые склоны, уходящие вдаль.

Что это?

Участок перекопанной земли и нечто напоминающее корявую ветку, воткнутую в небольшой холмик. Похоже, что это...

О господи, не может быть!..

Ее всю передернуло от открывшегося зрелища: к горлу подступила тошнота, а по коже пошли мурашки. Амелии с трудом удалось справиться с желанием отвернуться и сделать вид, что она ничего не заметила.

Он надеялся, что жертва мертва. Для ее же блага.

Амелия бросилась к железной лестнице, ведущей вниз, к рельсам. Она уже протянула руку к металлическим перилам, но тут же отдернула ее. Черт! Преступник мог уйти этим же путем, и тогда на поручнях должны были остаться отпечатки пальцев. Поступим вот как. Глубоко вздохнув, чтобы несколько умерить боль в суставах, Амелия принялась спускаться прямо по крутому откосу. Начищенные по поводу ее нового назначения до зеркального блеска

туфли скользили по камню. Когда до земли оставалось фута четыре, она спрыгнула и побежала к могиле.

— Бог ты мой!..

То, что она приняла за торчащую из земли ветку, оказалось человеческой рукой. Труп был захоронен вертикально, с таким расчетом, чтобы из-под насыпанного холмика земли выглядывали предплечье и кисть. Амелия уставилась на безымянный палец: вся плоть с него была содрана, а кольцо с бриллиантом, видимо снятое до этого, было вновь надето на кровоточащие лохмотья.

Сакс опустилась на колени и принялась раскапывать землю. Грунт так и летел из-под ее ладоней — так обычно роются собаки. Она обратила внимание на то, что остальные пальцы трупа застыли в самом неестественном положении, что свидетельствовало об одном: жертва была еще жива, прежде чем ее засыпали с головой.

Не исключено, что она еще жива и сейчас.

Амелия яростно раскидывала податливую почву, не обращая внимания на то, что порезалась осколками бутылки и теперь ее кровь капала, смешиваясь с землей. Вот наконец показались волосы и лоб неприятного, серо-синюшного оттенка. Так бывает вследствие недостатка кислорода. Сакс продолжала копать, пока не очистила лицо жертвы: пустые застывшие глаза и рот, искаженный гримасой ужаса.

Несмотря на дамское кольцо, это оказался мужчина плотного телосложения, лет примерно пятидесяти с небольшим. Мертвый и неподвижный,

как и похоронившая его земля.

Амелия выпрямилась и, не отрывая взгляда от глаз убитого, сделала шаг назад, едва не споткнувшись о рельсы. Целую минуту она не могла думать ни о чем, кроме того, что нелепо и страшно умирать подобным образом.

Потом она пришла в себя. «Итак, дорогая, давай, — подбодрила себя Амелия. — Имеется место преступления, жертва, а ты все-таки офицер полиции и знаешь, что надо делать.

Следуем правилу пяти пунктов. Первое: арестовать преступника, если таковой известен. Второе: задержать свидетелей или подозреваемых. Третье: осмотреть место преступления. Четвертое... Черт побери! Что же там четвертое?»

Сакс склонила голову к микрофону:

— Пять-восемь-восемь-пять вызывает Центральную. Обнаружен труп возле железной дороги между Тридцать восьмой и Одиннадцатой улицами. Убийство. Требуется детективы, эксперты-криминалисты, автобус и выездной врач. Как поняли?

— Вас понял. Преступник арестован?

— Пока не найден.

— Понял.

Амелия снова уставилась на ободранный до кости палец с совершенно неуместным кольцом и на лицо, изуродованное гримасой. Женщину всю передернуло. Когда-то ей приходилось плавать по реке в окружении змей и прыгать со стофутовой высоты на тарзанке. Она хвасталась, что не испытывала при этом ни

малейшего страха. Но стоило ей только подумать о замкнутом пространстве... Если бы ее связали и обездвижили, она ударилась бы в такую панику! Для Амелии это было сродни электрошоку. Вот почему она предпочитала передвигаться быстро или ездить на большой скорости.

Когда ты в движении, тебя трудно поймать...

До ушей Амелии донесся неясный шум, и она склонила голову, прислушиваясь. Грохот усиливался. Над рельсовыми колеями вспорхнули обрывки газет и закрутились, словно рассерженные призраки, маленькие пылевые смерчи.

Воздух разорвал пронзительный гудок поезда.

Патрульный офицер Амелия Сакс, небольшого роста и хрупкого телосложения, стояла, наблюдая, как на нее надвигается бело-красно-синяя металлическая громадина локомотива «Амтрак»¹ со скоростью десять миль в час.

— Немедленно остановитесь! Эй, вы, там! — закричала она.

Машинист, казалось, проигнорировал ее крик.

Амелия бросилась навстречу поезду, держась посередине колеи и размахивая руками. Лязгнув колесными парами, локомотив нехотя остановился. Машинист высунулся из окна.

— Туда ехать нельзя, — категорично заявила Сакс.

Пока тот интересовался причинами, она невольно подумала о том, что парень слишком молод, чтобы управлять таким огромным локомотивом.

— Там, чуть дальше, место преступления.

Пожалуйста, выключите двигатель.

— Леди, но я не вижу никаких следов преступления, — возразил машинист.

Но Сакс не слушала его и смотрела наверх, где сквозь прогалину в кустарниках была видна часть путепровода Одиннадцатой улицы. Именно через эту прогалину и можно было, припарковав машину на Одиннадцатой, незаметно перетащить сюда тело. На перекрестке же с Тридцать седьмой человека с такой ношей заметили бы не менее дюжины людей, окна домов которых как раз выходили туда.

— Поезд не должен ехать дальше, — повторила Амелия.

— Но я не могу этого сделать.

— Я прошу вас немедленно выключить двигатель.

— На таких поездах просто так это сделать невозможно. Двигатель работает постоянно.

— Соединитесь с диспетчерской или еще с кем-нибудь. Пусть они остановят поезда, двигающиеся навстречу вашему.

— Это невозможно.

— Имейте в виду, что номер вашего локомотива я запомнила.

— Локомотива? — удивился машинист.

— Предлагаю вам немедленно выполнить распоряжение офицера полиции! — рывкнула Амелия.

— И как вы намерены поступить? Выписать мне штраф?

Но Амелия Сакс, не слушая его, опять карабкалась по каменной стене. При каждом движении суставы ее

похрустывали, а на губах ощущался смешанный привкус известковой пыли, глины и собственного пота. Выбравшись, она устремилась к проезду, который увидела снизу. Здесь она остановилась и принялась осматривать тот перекресток, где Одиннадцатая улица вплотную подходила к центру Джевитса. Здесь уже собралось множество народа, включая бесчисленных корреспондентов. На огромном плакате было написано: «Добро пожаловать, участники Конференции ООН». Но это было сейчас, а утром, когда местность здесь довольно пустынна, преступник мог без труда незаметно оставить машину и перенести жертву к железной дороге. Амелия прошла по Одиннадцатой улице, заглядывая в переулки, уже запруженные транспортом.

Что ж, пора приниматься за дело.

Она направилась в самую гущу машин, заставляя водителей изменить направление движения. Некоторые пускались в объезд, но многие выражали недовольство, и Сакс пришлось даже выписать пару штрафов. Чтобы не допустить транспорт к месту преступления, Амелия решила выстроить нечто вроде баррикады из мусорных баков почти до середины улицы.

Наконец-то она вспомнила четвертый пункт правил: принять меры к ограждению места происшествия.

Туманный утренний воздух все больше наполнялся нетерпеливыми гудками автомобилей, к которым

примешивались возмущенные выкрики водителей. Спустя некоторое время зазвучали и сирены полицейских машин.

Не прошло и полчаса, как вся прилегающая местность оказалась буквально наводненной толпой следователей, экспертов, агентов и медиков. Пожалуй, их было чересчур много даже для такого чудовищного события, как насильственная смерть. Однако Сакс узнала от другого полицейского, что за это преступление с удовольствием ухватились бы средства массовой информации. Дело в том, что убитым оказался один из пассажиров, прилетевших вчера вечером в аэропорт Кеннеди. Он и его спутница взяли такси и направились в город, но до дому так и не добрались.

— Ребята из Си-эн-эн уже здесь, — прошептал один из полицейских.

Поэтому Амелия и не удивилась, увидев светлую шевелюру Винса Перетти, шефа Центрального следственного управления. Он осмотрел место преступления, выбрался на набережную и теперь задумчиво отряхивал свой дорогой костюм от известковой пыли.

Однако она изумилась, когда он сделал ей приглашающий жест рукой и даже попытался изобразить улыбку на своем чисто выбритом лице. Ей почему-то показалось, она должна заслужить от него одобрение, что умудрилась сохранить место преступления в неприкосновенности, хотя это входило в ее обычную рутинную работу. А может быть, даже

благодарность в приказе: ведь она оставила нетронутыми возможные отпечатки пальцев на поручнях металлической лестницы, бесстрашно пробираясь вниз по каменному утесу. Последний день ее патрульной службы. Что ж, она уйдет в лучах славы.

Перетти смерил ее взглядом:

— Женщина-патрульный... Надеюсь, вы не новичок?

— Извините... — начала Амелия и запнулась.

— Я полагаю, вы далеко не новичок в своей работе.

Она не была новичком, поскольку прослужила уже три года. Правда, большинство патрульных ее возраста отдали этой работе лет десять. Несколько лет, перед тем как поступить в академию, она проработала в охране.

— Я не совсем поняла ваш вопрос, сэр.

Он выглядел изможденным, и улыбка постепенно исчезла с его губ.

— Вы были здесь первым офицером полиции?

— Да, сэр.

— О чем вы думали, когда перекрыли движение по Одиннадцатой улице?

Амелия посмотрела на широкую магистраль, до сих пор перегороженную мусорными баками, вытасненными ею на проезжую часть. За это время она уже успела привыкнуть к бесконечным сигналам автомобилей, но теперь, посмотрев на улицу, увидела, что вереница машин выстроилась уже на несколько

миль. Кроме того, здесь действительно становилось чересчур шумно.

— Сэр, задача офицера полиции состоит в том, чтобы арестовать преступника, задержать подозреваемых, оградить... — начала объяснять Сакс, но Перетти прервал ее:

— Правило пяти пунктов я знаю не хуже вас, офицер. Так вы перекрыли движение, чтобы оградить место преступления?

— Да, сэр. Преступник не оставил бы машину на перекрестке, откуда ее увидели бы из окон жилых домов. Вон там, сэр. Одиннадцатая же — самое подходящее место.

— Вы поступили неправильно. На этой стороне улицы мы не обнаружили никаких следов, а те, которые начинаются у лестницы, уходят на Тридцать седьмую улицу.

— Я перекрыла и ее.

— Вот именно. Этим и следовало ограничиться. А поезд? Зачем вы его остановили?

— Я полагала, что поезд, проходя, может нарушить картину на месте преступления. Или что-то в этом роде.

— В каком еще роде, офицер?!

— Простите, я неправильно выразилась. Я имела в виду...

— А как насчет аэропорта Ньюарк?

— Да, сэр. — Амелия беспомощно оглянулась по сторонам, словно ожидая поддержки от коллег, толпившихся вокруг. Но те были заняты своими

делами и не обращали на их беседу никакого внимания. — Что именно насчет Ньюарка?

— Почему вы заодно не закрыли и аэропорт?

Ну вот, ее отчитали, словно школьницу! Амелия обиженно поджала красиво очерченные, как у Джулии Робертс, губы и вполне резонно заметила:

— Сэр, мне казалось весьма вероятным, что...

— В таком случае следовало заняться и магистралями Нью-Йорка и Джерси, и шоссе Лонг-Айленда, и так до самого Сент-Луиса, поскольку их тоже можно считать вероятными путями отхода преступника.

Чуть опустив голову, она продолжала смотреть в глаза Перетти. Они были примерно одного роста, только мужчина носил туфли с высокими каблуками.

— Меня уже замучили звонками и начальник полиции, и представитель портовых властей, и секретариат ООН, и директор вот этого местечка, — мотнул он головой в сторону центра. — Мы нарушили все расписание конференции. И речь сенатора, и выступление мэра пошли коту под хвост, не говоря уже о том, что на дорогах всего Западного побережья царит полная неразбериха. Железная дорога проходит в пятидесяти футах от места, где обнаружена жертва, а улица, которую вы перекрыли, — в двухстах футах в сторону, да еще и на тридцать футов выше. Даже ураган «Ева» не смог так разрушить северо-восточное направление «Амтрак», как это удалось вам.

— Я просто подумала...

Перетти улыбнулся. Амелия Сакс была красивой

женщиной, и ее прежняя работа по охране фотомоделей на Медисон-авеню добавила ей шарма. Поэтому он решил простить ее.

— Патрульный офицер... — он взглянул на пластинку с ее именем, прикрепленную к бронежилету, — Сакс, полагаю, этот урок не пройдет для вас даром. Работа на месте преступления не должна нарушать общей гармонии. Конечно, было бы прекрасно после каждого убийства ограждать полгорода и задерживать миллиона три подозреваемых. Но это, конечно, невозможно. Поэтому постарайтесь находить впредь более конструктивные решения.

— Дело в том, сэр, — уже более решительно заметила Амелия, — что меня сегодня переводят с патрульной службы. Ровно в полдень.

Перетти кивнул и весело улыбнулся:

— Тогда сказанного мной вполне достаточно. Тем не менее укажите в отчете, что остановка поезда и перекрытие движения по улицам полностью были вашей инициативой.

— Да, сэр. Не возражаю, потому что так оно и было.

Он что-то порывисто записал в черный блокнот.

Когда же это кончится?..

— А теперь уберите эти мусорные баки и займитесь регулировкой движения. Все ясно?

Не отвечая ни слова, Сакс повернулась и направилась к улице, где начала неторопливо разбирать возведенную ею преграду. Каждый

проезжавший мимо водитель считал своим долгом обругать ее последними словами. Сакс посмотрела на часы.

Оставалось ровно шестьдесят минут.

Ну, с этим еще можно смириться.

¹ «Амтрак» — национальная железнодорожная пассажирская корпорация.

ГЛАВА 2

С тугим хлопаньем крыльев сокол-сапсан уселся на карниз. Утренний воздух был чист и прозрачен, что предвещало жаркий день.

— А вот и ты, — прошептал мужчина и склонил голову, прислушиваясь к звонку, прозвучавшему у входной двери. — Это он? — крикнул мужчина в направлении лестницы.

Не дождавшись ответа, Линкольн Райм вновь посмотрел в окно. Голова сокола рывком повернулась в его сторону. У птицы это движение никогда не получалось плавным. Райм обратил внимание, что ее когти испачканы кровью. С черного крючковатого клюва свисал кусок желтоватой плоти. Сокол вытянул короткую шею в сторону гнезда — движением, больше напоминавшим змеиное, нежели птичье, — и уронил кусок мяса в распахнутый клювик голубоватого пушистого птенца. «Я смотрю на единственного хищника в этом городе, — думал Райм, — которому нечего и некого бояться, кроме Господа Бога».

Он услышал шаги. Кто-то поднимался по лестнице.

— Это был он? — спросил мужчина Тома.

— Нет, — коротко ответил молодой человек.

— А кто тогда? Ведь был звонок, не так ли?

Том повернулся к окну:

— Птица вернулась. Посмотрите, карниз испачкан

кровью. Вам видно отсюда?

На фоне неба появилась голова сокола-самки, перья которой отливали металлическим блеском. Том подошел к окну.

— Они постоянно вместе. Они что, образуют пары на всю жизнь, как и гуси?

Линкольн посмотрел на молодого человека, который, согнувшись, разглядывал гнездо сквозь грязное забрызганное стекло.

— Так кто это был? — повторил свой вопрос Райм.

Молодой человек тянул с ответом, и Линкольна это раздражало.

— Посетитель.

— Посетитель? Ну-ну, — хмыкнул Райм.

Он попытался вспомнить, когда к нему приходили последний раз. Месяца три назад? Кто же это был? Кажется, корреспондент или какой-то дальний родственник. Ах да! Питер Тейлор — специалист по болезням позвоночника. Да, несколько раз заходила Блэйн, но ее никак нельзя причислить к разряду посетителей.

— Наверное, им холодно, — заметил Том и попытался открыть окно. Молодость всегда принимает скоропалительные решения.

— Не надо его открывать, — остановил помощника Райм. — И черт возьми, скажи наконец, кто пришел.

— Им холодно.

— Ты только побеспокоишь их. Если хочешь, можешь выключить кондиционер. Да я и сам его

выключу.

— Мы поселились здесь первыми. — Том не оставлял попыток приподнять оконную раму. — Свив здесь гнездо, соколы знали, что место уже занято.

Птицы зорко смотрели в ту сторону, откуда раздавался шум. Впрочем, они всегда так смотрели. Вцепившись когтями в карниз, соколы сидели и важно озирали принадлежащие им владения, простиравшиеся до самого парка с поникшими от жары деревьями.

— Кто пришел? — не отступал Райм.

— Лон Селитто.

— Лон?

Что ему здесь надо?

Том оглядел комнату, в которой царил полнейший беспорядок, о чем он тут же сказал Райму.

Райму никогда не нравилась суета, возникавшая в доме во время уборки. Его всегда раздражали шум и гудение пылесоса. Линкольна вполне удовлетворяло убранство его комнаты, которую он считал своим офисом. Она находилась на втором этаже домика в готическом стиле, расположенного в Вест-Сайде рядом с Центральным парком. Комната имела большую площадь — двадцать на двадцать футов, и на каждом из них «проживали» дорогие Райму вещи. Иногда Линкольн расслаблялся: он закрывал глаза и пытался определить, чем пахнет та или иная вещь в его комнате — например, тысячи книг и журналов, стопки альбомов с фотографиями, напоминавшие Пизанскую башню, радиодетали и телевизионные

блоки, пыльные электрические лампочки и всевозможные справочники. Винил, латекс, перекись водорода. Обивка мебели.

Три сорта шотландского виски.

Соколиный помет.

— Я не хочу его видеть. Скажи, что я сейчас очень занят.

— С ним пришел молодой полицейский. Эрни Бэнкс. Нет, по-моему, это игрок в бейсбол, если не ошибаюсь. Вам все же следовало бы разрешить мне провести здесь уборку, — заворчал Том. — Иногда мы даже не замечаем грязи, пока нам не нанесут визит посторонние люди.

— Визит? Как это чудно прозвучало. Я бы даже сказал, старомодно. А вот как тебе понравится следующая фраза: «Пошли-ка вы все отсюда к чертовой матери!»? Кажется, это что-то из декадентского этикета.

Беспорядок...

И хотя Том, без сомнения, имел в виду бардак только в комнате, Райму почему-то показалось, что помощник подразумевал и своего хозяина.

Волосы у Линкольна оставались по-прежнему черными и густыми, как у двадцатилетнего юноши, хотя он был вдвое старше, но пряди перепутались и торчали в разные стороны: вечно грязные и непричесанные, они могли вызвать лишь чувство брезгливости. Его щеки покрывала неприятная трехдневная щетина. К тому же сегодня утром Райм проснулся с покалыванием и щекотанием в ухе, что

означало одно: о волосках, растущих на разных частях лица, также следовало бы позаботиться. Ногти (как на руках, так и на ногах) оставляли желать лучшего. А что уж говорить об одежде, которую он не менял неделями, постоянно находясь в одной из своих омерзительных пижам в горошек. Глаза у Райма были узкие, темно-карие, но в общем и целом, как когда-то неоднократно повторяла Блэйн, лицо его можно было назвать чувственным и иногда даже красивым.

— Они хотят поговорить с вами, — продолжал Том, — и несколько раз повторили, что это очень важно.

— Вот пусть своими делами сами и занимаются.

— Но вы ведь не виделись с Лоном почти год.

— Ну и что с того? Разве это означает, что я обрадуюсь ему сегодня? Кстати, ты, случайно, не спугнул птиц? Если так, я на тебя рассержусь.

— Это очень важно, Линкольн, — подчеркнул Том.

— Ах, даже так! Я помню, ты мне говорил. Где же тот проклятый врач? Мог бы уже и позвонить. Кстати, я немного вздремнул, когда ты уходил, так что мы могли не услышать его звонок.

— Да вы проснулись в шесть утра и с тех пор не засыпали, — тут же уличил босса во лжи Том.

— Не совсем так. — Райм задумался. — Да, я проснулся рано, это верно. А потом заснул снова, причем достаточно крепко. Ты проверял сообщения на автоответчике?

— Да, — хладнокровно заметил Том. — Но доктор

вам не звонил.

— Он обещал приехать ко мне ближе к полудню.

— Вот видите, а сейчас половина двенадцатого. Может быть, пока нет никаких причин беспокоиться? Не мог же он пропасть бесследно. Как вы считаете? Рано или поздно объявится.

— Ты, случайно, сам не висел на телефоне? — снова заворчал Райм. — Может быть, он просто не смог к нам пробиться?

— Я всего-навсего позвонил...

— А я разве что-то сказал? — тут же перебил Райм. — Ну вот, ты уже начинаешь сердиться. Я вовсе не против, чтобы ты звонил куда нужно. Пожалуйста. Я всегда разрешал тебе пользоваться телефоном. Я только имел в виду то, что вдруг он звонил нам как раз в тот момент, когда линия была занята.

— Нет, вы имели в виду то, что сегодня утром будете вести себя как зануда.

— Вот, начинается. Ты знаешь, можно достать такую штуковину для телефона, чтобы одновременно прослушивать два звонка. Вот нам бы такую! Так что же все-таки хочет мой старый приятель Лон? И его друг, который играет в бейсбол.

— Спросите у них сами.

— Я спрашиваю у тебя.

— Они хотят увидиться с вами. Это все, что мне известно.

— И поговорить о чем-то о-о-очень ва-а-ажном.

— Линкольн... — со вздохом произнес Том и замолчал.

Симпатичный молодой человек пригладил свои светлые волосы. На нем были светло-коричневые брюки, белоснежная рубашка, изящно повязанный синий в цветочках галстук. Полгода назад Райм, принимая Тома на работу, сказал, что тот может носить хоть джинсы с футболками, хотя молодой человек предпочитал одеваться строго и со вкусом. Райм не мог сказать себе, что именно эта деталь повлияла на его решение оставить при себе Тома, но, видимо, так оно и было. Ни один из его предшественников не продержался у Линкольна более полутора месяцев. Причем число ушедших по собственному желанию равнялось количеству тех, кому указал на дверь сам Райм.

— Ну хорошо, и что же ты им сказал?

— Попросил подождать несколько минут, чтобы убедиться, что вы их примете. Ненадолго.

— Значит, ты поступил таким образом, даже не спросив меня. Ну спасибо.

Том отступил на несколько шагов и крикнул в пролет лестницы:

— Входите, джентльмены!

— Но они успели тебе о чем-то сказать, — не унимался Райм. — Ты явно чего-то недоговариваешь.

Том ничего не ответил, и Райму оставалось наблюдать, как к нему приближаются двое. Как только они вошли в комнату, первым заговорил сам хозяин, обращаясь к Тому: — Задерни занавески на окне. Ты и без того растревожил птиц.

Это означало, что Линкольн уже получил свою

дозу солнечных лучей.

Безмолвие.

Со ртом, заклеенным отвратительной липкой лентой, не в состоянии произнести ни слова, она чувствовала себя более беспомощной, чем от наручников на запястьях и грубых прикосновений его рук к ее телу.

Не снимая натянутой на лицо лыжной шапочки, таксист потащил ее вниз по узкому, сочащемуся влагой коридору, по стенам которого тянулись бесконечные ряды труб. Она находилась сейчас в подвале какого-то здания, но не могла понять, где именно.

«Если бы я только могла с ним поговорить...»

Ти-Джей Колфакс по натуре была игроком и настоящей хитрой преданной собакой Моргана Стенли, способной вести любые переговоры.

«Деньги? Вам нужны деньги? — рассуждала она про себя. — Я могу достать их много. Очень много, целые бушели денег».

Ти-Джей повторяла эти слова снова и снова, пытаясь заглянуть в глаза похитителю, словно намереваясь внедрить свою мысль ему в мозг.

«Пожалуйста-а-а-а!» — молила она и мысленно представляла себе возможность обналичивания денег со счетов, вплоть до передачи в качестве выкупа своих пенсионных накоплений.

Она вспоминала минувший вечер во всех деталях: как водитель отвернулся от фейерверка, как вытащил

ее и Джона из машины и надел на них наручники. Затем таксист погрузил обоих в багажник, и машина снова поехала. Сначала по крупной щебенке и разбитому асфальту. Затем дорога сделалась гладкой, потом снова неровной. Наконец такси остановилось и, судя по звуку, водитель отправился открывать какие-то ворота. Скорее всего, гаража. Городской шум исчез, зато выхлоп мотора звучал громко и гулко, что указывало на то, что они находятся в каком-то помещении.

Затем крышка багажника открылась, и водитель выволок Ти-Джей наружу. Грубым рывком он сдернул с ее пальца кольцо с бриллиантом и сунул его в карман. Потом он потащил ее вдоль стены, с которой на нее пустыми глазницами смотрели полустертые портреты: она успела заметить изображение дьявола и трех скорбящих детей, еле угадывающееся на облупившейся штукатурке. Он затащил Ти-Джей в сырой, покрытый плесенью подвал и швырнул на пол. Потом водитель чем-то стучал наверху, оставив ее в темноте, пропитанной отвратительным запахом гниющей плоти и слежавшегося мусора. Она пролежала здесь несколько часов, иногда принимаясь плакать, иногда тяжело засыпая. Где-то совсем рядом раздался взрыв, разбудивший ее, после чего Ти-Джей снова овладела дремота.

Потом он вернулся за ней, вытащил из подвала, снова затолкал в багажник, они опять куда-то ехали минут двадцать, и вот теперь она здесь.

Они вошли в какой-то темный подвал, посреди

которого торчала толстая черная труба. Водитель приковал к ней девушку, завел ее руки назад и, потянув за ноги, вынудил сесть на пол. Наклонившись, он связал ноги Ти-Джей тонкой веревкой, на что ушло несколько минут. Девушка обратила внимание, что похититель не снимал кожаных перчаток. Он выпрямился и некоторое время смотрел на нее. Затем снова нагнулся и разорвал на ней блузку. После этого таксист зашел сзади, и Ти-Джей задохнулась от ужаса, когда он начал ощупывать ее плечи и лопатки.

Она плакала и все пыталась издать хоть какой-то звук сквозь ленту.

Она знала, чем все это кончится.

Его пальцы скользнули по ее предплечьям, передвигаясь вперед, но не коснулись груди, а, как паучьи лапы, пробежались по ребрам. Он поглаживал и ощупывал их. Ти-Джей задрожала и сделала неловкую попытку уклониться, но мужчина стиснул ее, ощущая руками гибкость ее костей.

Потом он выпрямился, и она услышала удаляющиеся шаги. Долгое время вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь свистом воздуха в трубах кондиционеров и гулом работающих лифтов. Внезапно, услышав сзади странный повторяющийся свистяще-шипящий звук, она от страха издала нечленораздельный хрюкающий стон. Звук показался ей знакомым, только Ти-Джей никак не могла вспомнить, что он значит. Она попробовала повернуться, но это ей не удалось. Что же это?

Прислушавшись к ритмично повторяющемуся звуку, девушка почему-то представила себе родительский дом.

Теннесси. Субботнее утро в небольшом бунгало в городке Бедфорде. Это был единственный день, в который ее мать не работала, полностью посвящавшийся уборке дома. Маленькая Тэмми просыпалась, когда солнце уже начинало припекать, и отправлялась на первый этаж помогать матери.

Сейчас, прислушиваясь к странному звуку, она расплакалась, думая о том, зачем, во имя всего святого, этому страшному человеку понадобилось так тщательно и равномерно возить веником по полу...

По их лицам Райм сразу понял, что они оба удивлены и чувствуют себя неуверенно. Хотя полицейские, занимающиеся расследованием убийств, очень редко оказываются в подобных ситуациях.

Лон Селитто и молодой Бэнкс (кстати, Джерри, а не Эрни) сразу же сели туда, куда движением косматой головы указал им хозяин, — на пыльные и расшатанные, готовые вот-вот развалиться плетеные стулья.

Райм сильно изменился с тех пор, когда Селитто видел его в последний раз, и детектив не мог скрыть своего удивления, даже шока. Бэнксу было не с чем сравнивать состояние Линкольна, но тем не менее он тоже пришел в ужас от того, что ему пришлось увидеть. Грязная, неубранная комната и блуждающий взгляд хозяина, осматривающего их с ног до головы.

Вонь стояла невыносимая. Впрочем, именно так и должно, наверное, пахнуть в затхлых, непрветриваемых помещениях, где живут люди, подобные Райму.

Линкольн уже успел пожалеть о том, что позволил этим двоим подняться сюда.

— Почему же ты не позвонил мне заранее, Лон?

— Ты бы послал меня подальше.

И он не ошибался.

Том возник возле лестницы и вопросительно посмотрел на своего босса, но тот успел его опередить: — Нет, Том, ты нам не нужен. — Линкольн вовремя вспомнил, что усердный и вежливый юноша каждый раз непременно спрашивал гостей, не желают ли они что-нибудь выпить или поесть.

Просто Марта Стюарт в брюках!

На какое-то время в комнате воцарилось неловкое молчание. Первым решился заговорить Селитто. Это был огромный, чуть взъерошенный полицейский, с двадцатилетним стажем, с достаточно сильным характером, поэтому мало что могло удивить или расстроить его. Однако, что бы он ни намеревался поведать, слова тут же застряли у него в горле, когда он бросил взгляд на коробку с одноразовыми памперсами для взрослых, стоящую у кровати Райма.

— Я читал вашу книгу, сэр, — робко начал Джерри Бэнкс.

Как успел заметить Райм, этот парень еще не научился как следует пользоваться бритвой и на его

лице оставалось множество следов от порезов после бритья. А как лихо закручен у него чубчик! Господи, да ему не дашь больше двенадцати, раз уж на то пошло. «Чем больше стареет мир, — отметил про себя Линкольн, — тем моложе начинают казаться его обитатели».

— Какую именно?

— Ну разумеется, учебник по криминалистике. Но я имел в виду приложения с фотографиями. Тот, второй вариант, который вышел пару лет назад.

— Там, кроме картинок, еще и слова есть. Вы не забыли их прочитать? — съязвил Райм.

— Ну да, конечно, — смутился Бэнкс.

У одной стены были выставлены пачки нераспроданного тиража «Мест преступления».

— Я и не знал, что вы с Лоном друзья, — сообщил Бэнкс.

— Неужели Лон не щегольнул тем, что о нас упоминали в книге «Лучшие люди года»? И не показывал свои фотографии? Не закатывал рукава, чтобы продемонстрировать шрамы и заметить при этом: «А вот эти раны я получил еще тогда, когда мы работали вместе с Линкольном Раймом»?

Селитто даже не улыбнулся. «Ну хорошо, — подумал он, — я могу показать тебе такое, что у тебя будет еще меньше поводов для улыбки». Старший детектив принялся рыться в своем кейсе. «Интересно, с чем он ко мне заявился?» — мелькнуло в голове у Линкольна.

— И сколько же времени вы были напарниками?

— продолжал Бэнкс, пытаясь заполнить неловкую паузу.

— Это к тебе вопрос. — Райм посмотрел на часы.

— Мы не были напарниками, — поправил Селитто. — Я занимался убийствами, а он был главой следственного управления.

— Ого! — уважительно заметил Бэнкс.

Место главы Центрального аппарата считалось одним из самых престижных во всем полицейском департаменте.

— Именно так, — подтвердил Райм, глядя в окно на небо с таким видом, словно врач должен был прилететь к нему на соколе. — Два мушкетера.

Спокойным тоном, который так бесил Линкольна, Селитто заметил:

— Целых семь лет мы работали рука об руку.

— И очень неплохих лет, — так же бесстрастно отозвался Райм.

Услышав эти слова, Том нахмурился, но Селитто сделал вид, что ничего не заметил. Скорее, даже проигнорировал. Вместо этого он заявил: — У нас появились проблемы, Линкольн. Требуется твоя помощь.

В секунду целая пачка бумаг очутилась на спальном столике.

— Помощь? — Ноздри Райма затрепетали от смеха.

Об этой части его лица Блэйн отзывалась так: «Твой нос похож на удачное творение пластического хирурга». На самом деле слова не соответствовали

истине. Ей казалось также, что у Линкольна абсолютно идеальный рисунок губ. «Необходимо добавить шрам», — как-то пошутила она. И действительно, в одной из их бесконечных схваток он чуть было не заработал его. «Но почему же, — удивлялся Райм, — ее чувственные видения до сих пор волнуют меня?» Вот и сегодня он проснулся с мыслью о своей бывшей жене и решил написать ей письмо. Оно уже было набрано на компьютере, и Райм сбросил его на жесткий диск. В комнате повисла тишина, пока Линкольн одним пальцем набирал на клавиатуре команду.

— Линкольн... — обратился к нему Селитто.

— Да, сэр. Я уже слышал, что от меня требуется помощь.

Бэнкс продолжал глупо и неуместно улыбаться, ерзая и пытаясь поудобнее пристроиться на жестком сиденье.

— У меня назначена встреча, которая может состояться в любую секунду, — сообщил Райм.

— Встреча?

— Это врач.

— Серьезно? — спросил Бэнкс, пытаясь хоть как-нибудь нарушить тягостную тишину, вновь повисшую в комнате.

Словно не понимая, о чем идет речь, Селитто неуверенно спросил:

— А как твои дела?

Бэнкс и Селитто не подумали даже поинтересоваться его здоровьем, когда явились сюда.

Впрочем, при виде Линкольна Райма другие люди тоже избегали задавать подобные вопросы. Ответ мог оказаться неожиданным, долгим и очень неприятным.

— Все хорошо, спасибо. А у тебя? Как Бетти? — спокойно поинтересовался Райм.

— Мы развелись, — так же быстро и непринужденно ответил Селитто.

— Неужели?

— Ей остался дом, а я получил половину прав на ребенка.

Коренастый полицейский произнес это с натянутой улыбкой, словно данную фразу ему приходилось в последнее время говорить довольно часто. Однако по его тону Райм сразу понял, что за этим простым объяснением кроется весьма неприятная и болезненная история. Во всяком случае, сам Линкольн не хотел бы ее сейчас выслушивать. Впрочем, Райм и не удивился тому, что их брак закончился подобным образом. Селитто был рабочей лошадкой, одним из лучших сотрудников полиции, отдававшим службе по восемьдесят часов в неделю. В первые месяцы совместной работы Райм даже не предполагал, что Селитто женат.

— И где ты сейчас обитаешь? — Райм надеялся, что подобный разговор на бытовые темы вскоре утомит Лона и гостей можно будет выпроводить.

— В Бруклине. На работу хожу пешком. Ты ведь помнишь, что я постоянно сидел на различных диетах? А оказалось, что дело не в них, а в том, что надо побольше двигаться.

Он выглядел не толще и не худее, чем тот Лон Селитто, которого Райм знал три с половиной года назад. Или даже пятнадцать лет, если уж на то пошло.

— Так вы говорили, что ждете врача? — вступил в разговор Бэнкс. — Наверное, для того, чтобы...

— Назначить новый курс лечения, — закончил за него фразу Райм. — Именно так.

— Надеюсь, он вам поможет.

— Огромное вам спасибо.

Часы показывали 11:36. Утро заканчивалось. Опоздание для человека, посвятившего себя медицине, непростительно.

Линкольн обратил внимание, что глаза Бэнкса уже дважды останавливались на ногах хозяина квартиры. Встретившись взглядом с этим прыщавым юнцом, Райм не удивился, заметив, что тот покраснел.

— Итак, — заговорил Райм, — боюсь, что у меня действительно нет времени для помощи вам.

— Но ведь врач еще не пришел, — отвечал Лон Селитто все тем же настойчивым голосом, годным лишь на то, чтобы окончательно пригвоздить подозреваемого неопровержимыми уликами.

В дверях появился Том с кофейником в руках.

— Твою мать! — одними губами, неслышно пробормотал Райм.

— Линкольн забыл кое-что предложить вам, джентльмены.

— Том обращается со мной словно с малым ребенком.

— Только когда он позволяет мне это, —

парировал помощник.

— Ну хорошо, пейте кофе, — огрызнулся Райм, — а я предпочитаю молоко от бешеной коровы.

— Не рановато ли? Бар еще не открыт, — возразил Том, без колебаний выдерживая недовольный взгляд Линкольна.

Глаза Бэнкса вновь принялись изучать тело Райма. Возможно, он ожидал увидеть скелет, обтянутый кожей? Однако атрофия мышц остановилась вскоре после катастрофы, и первые терапевты, лечившие Райма, буквально изнасиловали его физическими нагрузками. Том тоже надоедал Линкольну, заставляя его делать гимнастику. При этом он еще скрупулезно заносил в специальную тетрадь данные о подвижности каждого сустава. Сочетание активной и пассивной методик занятий, конечно, не являлось панацеей, но тем не менее приносило определенные результаты, поддерживая общий тонус организма, благотворно влияло и на кровообращение, и на самочувствие в целом. Для человека, вся мышечная активность которого ограничивалась лишь подвижностью головы, плеч и безымянного пальца левой руки в течение трех с половиной лет, Райм находился в довольно приличной форме.

Молодой детектив отвернулся, стараясь не смотреть на панель управления универсальной инвалидной кровати, соединенную проводами и кабелями еще с одним коммутационным устройством, пристыкованным, в свою очередь, к компьютеру и экрану на стене. Кнопки управления приходились как

раз под единственным движущимся пальцем Райма.

Жизнь инвалида, как заметил когда-то один из врачей Линкольна, — это кнопки и провода. Богатого инвалида, разумеется. И счастливого.

Наконец заговорил Лон Селитто:

— Сегодня рано утром в Западном Манхэттене произошло убийство.

— К нам постоянно приходят материалы о пропавших бездомных мужчинах и женщинах, — включился в разговор Бэнкс, — и мы поначалу подумали, что это один из них. Но все гораздо сложнее и хуже, — добавил он. — Убитым оказался один из прибывших вчера вечером людей.

— Каких еще людей? — Райм непонимающе уставился на испещренное прыщами лицо детектива.

— Линкольн никогда не смотрит новости, — вмешался Том. — Если вы говорите о похищении, то ему об этом ничего не известно.

— Ты что, перестал интересоваться новостями? — невольно рассмеялся Селитто. — Раньше ты читал по четыре газеты в день, да еще выписывал сводку новостей, чтобы посмотреть их по телевизору, когда вернешься домой. Блэйн даже призналась как-то, что однажды ночью, занимаясь с ней любовью, ты назвал ее Кэти Курик.

— Теперь я увлекаюсь только художественной литературой, — заявил Райм, хотя это прозвучало напыщенно и фальшиво.

— Литература — это новости, которые вечно будут новостями, — добавил Том.

Райм не стал комментировать его слова.

— Мужчина и женщина возвращались из деловой поездки, взяли в аэропорту Кеннеди такси, но до дому так и не добрались, — продолжал Селитто. — В одиннадцать тридцать вечера поступило сообщение, что такси с белыми мужчиной и женщиной на заднем сиденье направляется в Куинс. Со стороны было похоже, что они старались выбить стекло в машине. Никаких значков или табличек, свидетельствовавших о принадлежности к конференции, у них не было.

— А этот свидетель, ну, который видел такси, он о водителе что-нибудь сообщил?

— Нет.

— А о женщине-пассажирке?

— Тоже ничего.

Время шло, а доктор Уильям Бергер и не думал появляться. Райма начинало бесить такое наплевательское отношение к нему со стороны этого эскулапа.

— Неприятное происшествие, — рассеянно пробормотал он.

Селитто глубоко вздохнул.

— Продолжай, продолжай, — подбодрил его Линкольн.

— У него было ее кольцо, — вмешался Бэнкс.

— У кого и какое кольцо? — не понял Райм.

— У жертвы. Сегодня утром была обнаружена жертва, а на пальце — кольцо женщины-пассажирки.

— А почему вы так уверены, что это именно ее кольцо?

— На внутренней стороне выгравированы ее инициалы.

— Значит, у нас имеется предпод, который намеренно оставил это кольцо. Следовательно, он хочет, чтобы мы знали: женщина в данное время находится у него и она пока еще жива.

— А что такое «предпод»? — удивился Том.

Райм проигнорировал вопрос своего помощника, и на помощь Тому пришел Селитто: — Предполагаемый подозреваемый.

— И вы знаете, что он сделал для того, чтобы кольцо налезло на палец жертвы? — подключился Бэнкс, выпучив глаза больше, чем следовало.

— Заранее сдаюсь.

— Он срезал всю плоть с пальца у того парня. Всю, до самой кости!

Райм чуть заметно улыбнулся:

— Что ж, ваш малый — довольно сообразительный тип, не так ли?

— В чем же заключается его сообразительность?

— Ну, он просто подстраховался, чтобы никто из проходящих мимо не позарился на это колечко. Ведь оно наверняка было перепачкано кровью.

— Еще как!

— Во-первых, так оно становится менее заметным. Ну а потом, СПИД или гепатит... И даже те, кто увидит такой «сувенир», скорее всего, пройдут мимо, не рискнув снять его. Каково же имя этой женщины, Лон?

Детектив кивнул напарнику, и тот сразу же открыл

блокнот на нужной странице.

— Тэмми Джин Колфакс. Чаще ее зовут Ти-Джей. Двадцать восемь лет. Работает у Моргана Стенли.

Райм обратил внимание, что у Бэнкса на пальце тоже кольцо. Видимо, какой-то талисман — возможно, еще со школьной скамьи. Хотя этот юноша слишком уж лоценький для выпускника средней школы или полицейской академии. Никакого налета армейской службы у него и близко не было. Райм не удивился бы, если бы внутреннюю сторону кольца украшала гравировка Йельского университета. И это детектив по расследованию убийств?! Куда катится наш мир?!

Молодой детектив держал чашку с кофе обеими руками и периодически вздрагивал от озноба. Едва шевельнув безымянным пальцем над панелью, Райм щелкнул одной из клавиш и выключил кондиционер. Рабочие манипуляторы кровати он предпочитал использовать для более важных дел, чем обогрев комнаты: например, включения света, управления компьютером и устройством, перелистывающим страницы. Правда, иногда, когда в комнате становилось слишком холодно, его одолевал насморк, что для инвалида настоящая пытка.

— И никаких записок насчет выкупа? — поинтересовался Райм.

— Нет.

— Тебе поручено вести это дело? — обратился он к Селитто.

— Да, под руководством Джима Поллинга. Мне бы

хотелось, чтобы ты ознакомился с отчетом по месту преступления.

— Я? — снова раздался смешок хозяина. — Я уже три года не читал никаких отчетов. Чем же я смогу вам помочь?

— Ты можешь здорово выручить нас, Линк.

— А кто сейчас стоит во главе следственного управления?

— Винс Перетти.

— А, сыночек конгрессмена, — вспомнил Райм. — Ну вот пусть он и копается в этом деле.

— Мы бы все-таки предпочли тебя, — после секундного замешательства признался Лон.

— А кто это «мы»?

— Шеф и твой покорный слуга.

— Интересно, как отнесется к этому капитан Перетти, узнав, что вы выразили ему вотум недоверия? — Райм улыбнулся, как шаловливая школьница.

Селитто поднялся и принялся мерить шагами комнату, осматривая сложенные в стопки журналы и справочники: «Криминалистическое обозрение», каталог научного оборудования «Хардинг и Бойл», ежегодник криминалистических исследований Скотленд-Ярда и массу других брошюр и журналов, посвященных криминалистике.

— Вы только посмотрите, — кивнул Райм, — срок подписки на этот хлам давно закончился. Они все уже пылью покрылись.

— Да здесь все уже плесенью поросло, Линк! — не

выдержал Селитто. — Почему бы тебе не собраться и не навести в этом хлеву хоть какой-нибудь порядок?

Бэнкс буквально окаменел от такого заявления, а Райм подавил приступ смеха, почувствовав, как внутри он наливается холодом и отчужденностью. Но уже через несколько секунд он взял себя в руки, и раздражение уступило место другому чувству. Теперь он откровенно развлекался. Он жалел сейчас, что жизнь сложилась так, что им с Селитто пришлось расстаться.

— Прости, но я ничем вам помочь не смогу, — пробурчал Райм.

— В понедельник открывается конференция. Мы...

— Какая конференция?

— В ООН. Приезжают главы государств и послы. Прибывает около десяти тысяч самых уважаемых людей в мире. Ты, я надеюсь, слышал, что приключилось в Лондоне два дня назад?

— А что приключилось? — язвительно повторил Райм.

— Кто-то попытался взорвать гостиницу, где поселилась делегация ЮНЕСКО. Наш мэр опасается, что такое же дерьмо может произойти и здесь, на конференции. Ему абсолютно не нужны издательские заголовки статей в прессе.

— А вот одна маленькая проблема уже появилась, — тягуче произнес Райм, — а именно: мисс Тэмми Джин явно не наслаждается своим прибытием домой.

— Джерри, — обратился Лон к напарнику, —

посвяти-ка его в подробности. Пусть у него разыграется аппетит.

К этому времени Бэнкс перестал коситься на ноги Райма и переключил свое внимание на кровать, которая действительно была достойна изучения. Особенно панель управления. Она больше напоминала пульт космического корабля и, наверное, столько же и стоила.

— Через десять часов после похищения мы обнаружили пропавшего пассажира. Им оказался некто Джон Ульбрехт. Он был ранен и заживо похоронен возле железнодорожной ветки «Амтрак», рядом с пересечением Одиннадцатой и Тридцать седьмой улиц. Мы нашли его мертвым, но можно смело утверждать, что закопан он был еще живым. — Бэнкс поднял глаза и добавил: — Пуля тридцать второго калибра, «хонда-аккорд».

Последнее замечание давало понять, что никакой экзотики в плане оружия не предвидится. «А этот Бэнкс умный парень, — решил про себя Райм. — Единственным его недостатком является молодость, да и та, возможно, со временем пройдет. А может, и нет». Линкольн Райм искренне считал, что сам он вообще никогда не был молодым.

— На пуле сохранились следы надрезов ствола?

— Шесть фасок, закрученных слева направо.

— Значит, убийца использовал кольт, — резюмировал Райм.

— Вы сказали «убийца», — заметил молодой детектив, — а почему не «убийцы»?

— Что?

— Их несколько. А если более точно, то двое. Между железной лестницей, ведущей от могилы к улице наверх, обнаружены следы двух человек, — сказал Бэнкс, показывая Линкольну диаграмму места преступления.

— На поручнях лестницы остались отпечатки пальцев?

— Нет, ее предусмотрительно протерли. Преступник все тщательно продумал. Но к могиле ведут две дорожки следов. Да оно и понятно: жертва весила более двухсот фунтов и в одиночку дотащить ее туда было бы невозможно.

— Продолжайте.

— Они доволокли его до ямы, выстрелили в него и закопали. Потом вернулись тем же путем и исчезли.

— Выстрелили уже в могиле? — уточнил Райм.

— Скорее всего. Следов крови ни на лестнице, ни на траве вокруг не обнаружено.

Райм почувствовал, как в нем начинает пробуждаться интерес, но тем не менее спросил: — Ну а я-то зачем вам понадобился?

— Дело в том, — ухмыльнулся Селитто, обнажая свои кривые желтые зубы, — что нам оставили такие вещественные доказательства, от которых голова кругом идет. Просто какая-то тайна.

— Ну и что? — Райм прекрасно знал: что бы ни обнаруживалось на месте преступления, это далеко не всегда сразу же помогало в его раскрытии.

— Да нет, тут действительно какая-то дикость. Вот

взгляни, о чем пишут в рапорте. Пожалуйста, я прошу тебя. Я кладу его сюда. Как действует твой пюпитр? — Селитто наблюдал за тем, как Том ловко вставил листы в автоматический переворачиватель страниц.

— Но у меня совершенно нет времени, Лон, — пытался протестовать Райм.

— Что и говорить, хитроумное приспособление, — восхищенно заметил Бэнкс, рассматривая раму, в которую были зажаты листы рапорта.

Райм не ответил, внимательно читая первую страницу. Затем он чуть шевельнул безымянным пальцем, и изогнутая обрезиненная штанга перевернула лист.

«Да, вот это действительно странно», — подумал Райм, пробегая глазами текст.

— Кто осматривал место преступления?

— Сам Перетти. Когда он узнал, что жертвой оказался один из пассажиров такси, о котором сообщили в полицию, он явился для осмотра места собственной персоной.

Райм продолжал читать. Обычно невыразительные слова полицейского документа внезапно пробудили в нем живейший интерес. В это время внизу, у входной двери, раздался звонок, и сердце Райма тревожно забилось. Линкольн одарил Тома ледяным взглядом, и тот понял, что аудиенция закончена. Не говоря ни слова, помощник Райма кивнул и направился на первый этаж.

В ту же секунду все мысли о вещественных доказательствах, преступниках-таксистах и

похищенных банкирах улетучились из головы Линкольна.

— Доктор Бергер, — объявил Том по селектору.

Наконец! Как долго пришлось его ждать.

— Извини, Лон, мне было очень приятно встретиться с тобой, но сейчас вам пора уходить. — Он улыбнулся и добавил: — А дело-то действительно выходит интересное.

После некоторого колебания Селитто поднялся и спросил:

— Но ты дочитаешь до конца? Поделишься с нами своими соображениями?

— Обязательно, — кивнул Райм, откидываясь на подушку.

Инвалиды, подобно Линкольну сохранившие способность двигать головой и плечами, могут привести в действие с десятков различных рычагов управления. Но Райм дорожил оставшимися в его распоряжении чувственными ощущениями, поэтому разнообразные функции двухсотдолларовой подушки его не интересовали. Он предпочитал ее просто как удобное изголовье. Посетители здорово утомили его. Еще только полдень, а ему уже хочется спать, и мышцы шеи настоятельно требуют отдыха.

Когда Селитто и Бэнкс оказались в дверях, Линкольн неожиданно произнес: — Подожди, Лон.

Детектив замер на месте.

— Вот что ты должен запомнить. Вы нашли только половину места преступления. А вторая половина не менее важна. Это его дом. Искать преступника надо

там. Но в этом и будет заключаться вся сложность.

— Почему ты решил, что есть еще одно место преступления?

— Потому что убийца стрелял не на могиле. У него для этого было другое место — там сейчас находится похищенная женщина. Его логово находится либо где-то под землей, либо в заброшенной и малопосещаемой части города. А может, и то и другое вместе... Потому, Бэнкс, — заявил Райм, предвосхищая вопрос молодого следователя, — что он не стал бы сильно рисковать: и стрелять, и держать заложницу. Из этого следует, что его убежище достаточно надежно.

— А может быть, он использовал глушитель?

— На пуле нет ни следов резинового уплотнения, ни хлопчатобумажных волокон поглотителя, — отрезал Райм.

— Но как он мог стрелять где-то в другом месте, кроме как у могилы? — изумился Бэнкс. — Ведь по пути к ней должны были остаться следы крови.

— Я полагаю, что выстрел пришелся в лицо, — заявил Линкольн.

— Да, именно так, — кивнул Бэнкс, растерянно хлопая глазами и глупо улыбаясь. — Откуда вы знаете?

— Это очень болезненно и надолго лишает сознания, а крови при этом довольно мало. Да и оружие было тридцать второго калибра. Если пуля не задела мозг, летальный исход крайне редок. В таком состоянии жертву можно вести куда угодно даже в

одиночку. Да преступник и действовал один.

Наступила пауза.

— Но ведь на месте обнаружили две цепочки следов, — почти шепотом произнес Бэнкс, затаив дыхание.

— Если вы сравните оба отпечатка, — вздохнул Райм, — то они окажутся идентичными. У них даже глубина одинаковая. Преступник оставил два следа, чтобы запутать вас. Он не тащил и не нес двухсотфунтовое тело. Как я полагаю, жертва была без ботинок?

Бэнкс пролистал несколько страниц:

— Да, в одних носках.

— Отлично. Убийца снял с жертвы ботинки и прошел в них до лестницы и обратно.

— Но если он не поднимался по ней, то как попал к могиле?

— Он привел жертву по рельсам. Возможно, с севера.

— Но других лестниц, спускающихся к полотну железной дороги, нет на много кварталов. Ни к северу, ни к югу. Однако существуют туннели, идущие параллельно рельсам, — продолжал Райм. — Они соединяются с некоторыми из старых складов, расположенных на Одиннадцатой улице. Еще во времена сухого закона один мафиози — Оуни Мэдден — построил эти туннели, чтобы доставлять бутлегерское спиртное по железной дороге прямо в Олбани и Бриджпорт.

— Почему бы тогда не закопать жертву прямо

возле туннеля, чем, рискуя быть замеченным, тащить ее по открытой местности?

— Вы понимаете, что этим хотел нам сказать убийца? — Райм начинал терять терпение.

Бэнкс открыл было рот, но потом отрицательно замотал головой.

— Преступник постарался сделать так, чтобы тело заметили. Для чего тогда он оставил на поверхности руку жертвы? Она как бы машет, привлекая внимание. Вы меня простите, но если преступник и действовал в одиночку, то ума у него уж точно хватает на двоих. Где-то поблизости должен находиться вход в тот самый туннель. Спускайтесь туда и ищите отпечатки, хотя, скорее всего, их там нет. Но сделать вам это придется. Пресса, сами знаете... Когда эта история всплывет... Ну, джентльмены, желаю удачи. А теперь прошу извинить меня. Лон!

— Да?

— Не забудь про второе место преступления. Что бы ни случилось, вам необходимо найти его, и как можно быстрее.

— Спасибо, Линк. А ты пока дочитай рапорт до конца.

Райм заверил их, что обязательно дочитает документы, и они поверили его откровенной лжи.

ГЛАВА 3

У доктора Бергера были прекрасные манеры обхождения с больными. Таких врачей Райму редко приходилось встречать. А уж кому, как не Линкольну, судить о том, умеет ли человек правильно обращаться с прикованными к постели пациентами или нет. Райм как-то подсчитал, что за три с половиной года болезни его посетили семьдесят восемь дипломированных врачей.

— Прекрасный вид, — отметил Бергер, выглядывая из окна.

— Не правда ли, он действительно великолепен?

Высота кровати позволяла Райму видеть лишь клочок туманного неба над Центральным парком и птиц, облюбовавших карниз его окна. Вот, пожалуй, и весь вид, которым он мог любоваться. С тех самых пор, как два с половиной года назад его выписали из реабилитационного центра. Большую часть времени шторы на окнах в его комнате оставались задернутыми.

Том занялся тем, что сначала перевернул своего босса с боку на бок: это помогало содержать легкие в надлежащей форме, — а затем с помощью катетера помог Райму облегчиться. Последнюю процедуру приходилось повторять каждые пять-шесть часов. Обычно после травмы позвоночника сфинктеры мочевого пузыря остаются либо постоянно открытыми, либо закрытыми. Райму повезло: его

сфинктеры остались закрыты. К тому же рядом с ним всегда находился помощник, который открывал маленькую трубку с катетером четыре раза в день.

Доктор Бергер равнодушно наблюдал за этой процедурой, и Райму было абсолютно безразлично, что в данный момент он лишился некоторой интимности. Первое, о чем приходится навсегда забыть инвалиду, так это скромность. И если кое-кто из калек еще иногда пытается как-то прикрыть свое тело во время не слишком приятных операций: очищения кишечника или просто омовения, — то настоящие, мужественные инвалиды смотрят на это гораздо проще, без излишнего и совершенно ненужного смущения.

В первом реабилитационном центре, где лежал Райм, существовал обычай. Если кто-то из пациентов отправлялся на прогулку или на встречу с родственниками, то по его возвращении остальные обитатели палаты собирались вокруг него и проверяли своего товарища на предмет опорожнения мочевого пузыря. Это было своего рода барометром, указывающим, насколько удачно тому удалось провести время. Сам Райм однажды заслужил всеобщее восхищение, когда вернувшись в палату «коллеги» слили из него 1430 миллилитров мочи.

— Взгляните на карниз, доктор, — обратился Райм к Бергеру. — Там сидят мои ангелы-хранители.

— Это ястребы?

— Нет, соколы-сапсаны. Обычно они гнездятся очень высоко, поэтому странно, что они выбрали мое

жилище.

Бергер некоторое время смотрел на птиц, а потом отвернулся и задернул шторы. Пернатые его не интересовали. Доктор был человеком некрупного телосложения, но довольно подтянутый, как спортсмен. Ему было около пятидесяти, но в черных волосах не наблюдалось и намек на седину. Словом, он выглядел так, что мог служить якорем надежды для больного.

— Вот это кровать! — восхитился Бергер.

— Она вам нравится?

Кровать производства фирмы «Клиниatron» представляла собой монументальное сооружение весом около тонны, с огромным воздушным матрасом, наполненным миллионами силиконовых шариков. Протекающий в пустотах между ними сжатый воздух поддерживал тело Райма почти на весу. Если бы Линкольн сохранил способность ощущать этот эффект всем телом, то ему казалось бы, что он парит в воздухе.

Райм велел Тому подать доктору кофе. Когда он явился, то, прежде чем удалиться, возвел глаза к потолку и прошептал:

— С чего это мы вдруг стали такими общительными?

— Вы, как я помню, говорили, что служили в полиции, — обратился Бергер к пациенту.

— Да, когда-то я возглавлял следственное управление.

— А потом вас ранили?

— Нет. Однажды при строительстве станции метро рабочие обнаружили останки человека. Им оказался молодой патрульный полицейский, пропавший за полгода до этого. Мы тогда занимались серийным убийцей, специализировавшимся на охоте за полицейскими. Меня попросили лично осмотреть место преступления. Во время работы на меня рухнула огромная дубовая балка, и я пробыл под ней в течение четырех часов.

— Что, действительно существовал такой убийца полицейских?

— Он успел убить троих и ранить еще одного. Кстати, он сам оказался патрульным сержантом Дэном Шепардом.

Бергер взглянул на розовый шрам, проходящий по шее Райма: верный признак квадриплегии — паралича рук и ног. Это был след от трубки для интубации легких, которая находится в дыхательном горле в течение нескольких месяцев, иногда лет, а в некоторых случаях устанавливается навсегда. Но благодаря своему упрямству и титаническим усилиям врачей Райм смог избежать подобной участи. Он обладал такими легкими, что мог бы находиться под водой минут пять.

— Итак, у вас была травма позвоночника.

— Точнее, четвертого позвонка.

— Понятно.

Четвертый позвонок — это своего рода пограничная зона. Если травма получена выше четвертого позвонка, то смерть, как правило,

неминуема. Если поражение располагается ниже, то по крайней мере верхние конечности сохраняют полную подвижность. Межреберная мышечная ткань и брюшной пресс почти атрофировались, и Райм дышал только диафрагмой. Он мог двигать головой, шеей и немного плечами. Единственной удачей можно считать то, что рухнувшая дубовая балка не затронула одну цепь передачи нейронов мозга, поэтому безымянный палец левой руки еще был способен двигаться.

Райм пожалел доктора и не стал ему рассказывать обо всех ужасах своей жизни в первый год после несчастного случая: целый месяц с черепной тягой, когда щипцами через отверстия в голове ему вытягивали позвоночник. Затем в течение трех месяцев ему пришлось смириться с приспособлением под названием «гало» — пластиковым нагрудником и стальными подпорками у головы, — для того чтобы поддерживать шею в постоянной неподвижности. А для того чтобы вентиляция легких не нарушалась, он был вынужден пользоваться специальным грудобрюшным стимулятором нервной системы. Не стал Линкольн распространяться и о бесконечных катетерах, повторных операциях, непроходимости кишечника, язвах, вызванных стрессом, гипотонии, замедленном сердцебиении, пролежнях, локтевых незаживающих язвах, склерозе и дистрофии мышц, которая угрожала неподвижностью его единственному работающему пальцу. И наконец, о фантомных болях, напоминающих страдания от ожогов и переломов в

конечностях, которые после несчастного случая вообще потеряли всякую чувствительность...

Однако он упомянул о самом последнем неудобстве, которым одарила его неподвижность, произнеся всего два слова:

— Автономная дисрефлексия.

Это означало, что вот уже некоторое время Райма начали беспокоить учащенное сердцебиение, перепады кровяного давления и изнуряющие головные боли. Причем они могли начинаться по массе причин — например, от самого обычного запора. И прекратить их нельзя было никаким другим способом, кроме как искоренить саму причину, то есть постоянное состояние стресса.

Доктор Питер Тейлор, наблюдавший Райма, был немало обеспокоен повторяющимися приступами депрессии у своего пациента. Он подробно проинструктировал Тома, что нужно делать в подобных случаях до приезда врача, и рекомендовал даже поместить свой домашний номер в телефонную память. Тейлор предупредил Тома, что сильный приступ может вызвать инсульт.

Бергер молча выслушал эту исповедь. По его лицу было видно, что он испытывает самое искреннее сочувствие к страданиям несчастного. Немного помолчав, доктор наконец заговорил:

— Прежде чем стать тем, кем я являюсь сейчас, я специализировался в области гериатрической ортопедии. В основном это касалось тазобедренных суставов, так что честно признаюсь вам, что я неважно

разбираюсь в неврологии. Каковы ваши шансы на выздоровление?

— Никаких. Я останусь в таком состоянии до конца своих дней, — тут же ответил Райм и сразу пожалел, что поторопился. — Надеюсь, вы хорошо представляете себе мои проблемы, доктор.

— Думаю, да. Тем не менее мне хотелось бы все услышать от вас.

Райм вздохнул, потом качнул головой, чтобы убрать со лба непослушную прядь волос, и твердо произнес:

— Каждый человек имеет право убить себя.

— Не могу с вами согласиться, — покачал головой Бергер. — Вы можете иметь силы, чтобы покончить с собой, но только не право делать это. И в этом существенное различие.

Райм горько рассмеялся:

— Я не слишком силен в философии, однако в моем конкретном случае у меня на это даже нет сил. Вот поэтому я и пригласил вас сюда.

Линкольн Райм обращался с просьбой об эвтаназии уже к четырем врачам, но все они ответили отказом. Тогда он смирился с поведением медиков и решил поступить по-своему. Он просто перестал принимать пищу. Однако процесс доведения себя до смерти путем физического истощения оказался самой настоящей пыткой. Он не смог ее выдержать. Поначалу у него начались страшные спазмы желудка и головные боли, затем бессонница. Пришлось бросить эту нелепую затею. Немного позже в одной из

искренних бесед он как-то попросил Тома помочь ему покончить с собой. Молодой человек внезапно расплакался. Пожалуй, это был единственный раз, когда Том проявил такую эмоциональность. Бедняга заявил, что, конечно, помог бы своему боссу, если бы только сумел это сделать. Он был согласен ухаживать за Линкольном до самой его смерти, страдать вместе с ним и ощущать свое бессилие оживить тело хозяина, но убить его он не смог бы ни за что на свете.

А затем произошло чудо. Если, конечно, это можно так назвать.

После выхода в свет его книги «Места преступления» к Райму приехали журналисты, чтобы взять интервью. И вот в одной статье в «Нью-Йорк таймс» появилась следующая недвусмысленная цитата из речи Райма:

Нет, я не планирую больше писать. Дело в том, что моим следующим грандиозным проектом является самоубийство. Это очень сложная проблема. Вот уже целых полгода я ищу человека, который согласился бы помочь мне в этом нелегком деле.

Эти строчки вызвали немалое волнение и в службе по делам нью-йоркской полиции, и среди бывших друзей и знакомых Райма. Больше всех встревожилась Блэйн. Она заявила, что он не смеет даже думать об этом, что нельзя быть таким эгоистом, каким, впрочем, он являлся еще тогда, когда они не были разведены, и так далее и тому подобное. Кстати, раз уж она приехала навестить его в те дни, то сочла нужным сообщить ему, что снова выходит замуж...

Эта же статья попала на глаза и Уильяму Бергеру. Вскоре в доме Райма раздался неожиданный звонок из Сиэтла. Через несколько минут приятного для обоих разговора Уильям сообщил Линкольну, что прочитал о нем в газете. Последовала непродолжительная пауза, и доктор спросил:

— Вы когда-нибудь слышали об Обществе Леты?

Да, Райм о нем слышал. Это была проэвтаназионная группка, которую он пытался разыскать вот уже несколько месяцев, но безуспешно. Она считалась более агрессивной, нежели «Безопасный переход» или даже общество «Выход».

— Дело в том, что членов нашего общества начинают таскать по всем инстанциям, как только где-нибудь в стране произойдет самоубийство, — пояснил Бергер. — Поэтому нам приходится занимать крайне осторожную и незаметную позицию.

Затем он сообщил Райму, что согласен заняться его проблемой, о которой упоминалось в статье. Однако Бергер был противником скоропалительных решений, и в течение семи или восьми месяцев они с Линкольном имели несколько длительных телефонных бесед. Сегодня произошла их первая очная встреча.

— Скажите, а нет ли у вас возможности самому совершить этот переход более естественным путем?

Переход...

— Вы имеете в виду Джина Хэррода? Вряд ли.

Хэррод, о котором говорил Райм, был достаточно известен в Америке. Этот молодой бостонец тоже

пришел к заключению, что ему необходимо убить себя. Так и не найдя достойного помощника, он покончил с собой единственным доступным ему способом. При помощи рычагов управления он разжег камин, устроил небольшой пожар и, когда пламя запылало на полкомнаты, въехал в него на своем инвалидном кресле, надеясь сгореть заживо. Как потом писали газеты, он умер от обширных ожогов третьей степени.

Этот случай впоследствии часто упоминался в связи с проблемой эвтаназии, особенно когда ее защитники хотели показать, к каким трагедиям может привести запрет на тихую и безболезненную смерть.

Разумеется, Бергер слышал об этом несчастном юноше, поэтому сочувственно покачал головой, полностью соглашаясь с Раймом:

— Нет, конечно нет. Я считаю, что ни один человек не заслуживает такого ужасного конца.

Затем доктор осмотрел тело Линкольна и панель управления, находящуюся рядом с ним.

— А каковы ваши, так сказать, механические возможности? — поинтересовался он.

Райм принялся объяснять, как, двигая безымянным пальцем левой руки, он приводит в движение некоторые части своего тела, в результате чего может самостоятельно принимать пищу, частично обслуживать себя, и даже удивил доктора замысловатым прибором, который сам печатал на мониторе компьютера текст под диктовку Линкольна.

— Да, но настраивать любую аппаратуру для вас

вынужден кто-то другой? — не отступал Бергер. — Ну, например, если вы пожелаете застрелиться, все равно для этого постороннему человеку придется идти в магазин, покупать пистолет, устанавливая его на специальной подставке, привязывая к спусковому крючку проволоку или что-то еще и так далее — для того, чтобы вы сами совершили лишь последнее движение.

— Совершенно верно.

А это означало, что тот второй, выполняющий роль помощника, на самом деле с точки зрения закона является сообщником заговора и самого настоящего убийства.

— А можно поинтересоваться, каким оборудованием располагаете вы сами? — перешел к делу Линкольн. — Оно эффективно?

— Оборудование? — недоуменно переспросил Бергер.

— Ну, то, что вы используете для... гм... своей работы, если можно так выразиться.

— Безусловно. Эффективность — сто процентов. Еще ни один мой пациент не жаловался.

Райм непонимающе заморгал, а когда Бергер довольно цинично рассмеялся, Линкольн тут же присоединился к нему.

— Если вы не умеете смеяться над смертью, то над чем же тогда вы вообще смеетесь?

— Вот, посмотрите сами, — предложил доктор.

— Вы все привезли с собой? — Внезапно Райм почувствовал, как в груди его всколыхнулась надежда.

Впервые за последние годы он ощутил в душе приятное тепло.

Бергер раскрыл свой атташе-кейс и торжественно достал оттуда бутылку бренди. За ней последовал пузырек с какими-то таблетками, полиэтиленовый пакет и самая обычная резинка, которой перевязывают пачки денег в банках.

— Что это за лекарство?

— Секонал. Его больше никто не назначает. Раньше совершить самоубийство было куда проще. Эти маленькие таблеточки делают все легко и безболезненно. С появлением современных транквилизаторов убить себя стало практически невозможно. Вы только подумайте: гальцион, либриум, далман, ксанакс... Да, вы будете долго спать, но в конце концов проснетесь с ужасной головной болью...

— А при чем здесь пакет?

— Ах, пакет... — Бергер взял его в руки и принялся рассматривать, словно увидел впервые. — Это как бы эмблема и гарантия нашего Общества Леты. Конечно, неофициально, иначе вы могли бы подумать, что у нас имеется даже свой логотип. Если бренди и таблеток оказывается недостаточно, мы применяем пакет. Его просто надо надеть на голову и перетянуть резинкой у шеи. Внутри необходимо добавить немного льда, потому что уже через несколько минут становится слишком душно и неудобно.

Райм не мог отвести взгляда от этого

бесхитростного набора из трех предметов. Пакет самый обыкновенный — может, немного толстоватый, вот и все. Бренди, причем из дешевых сортов, как он успел подметить. И лекарство, правда потерявшее популярность, но которое раньше можно было купить в любой аптеке.

— А у вас довольно милый дом, — сменил тему Бергер, оглядывая комнату. — Центральный парк под боком... Вы живете на пенсию по инвалидности?

— Частично. Я работал консультантом как в полиции, так и у федералов. А после несчастного случая... Строительная компания, на участке которой произошло несчастье, выплатила мне три миллиона. Вообще-то, они говорили, что не несут ответственности за подобные случаи, но, очевидно, существовало негласное правило, по которому парализованный пострадавший все равно выигрывал дело, если уж разбирательство доходило до суда. Строительные компании всегда оставались внакладе, вне зависимости от того, по чьей вине произошел несчастный случай. Вы представляете, что начиналось в судах, если туда являлся нетрудоспособный истец...

— И, кроме того, вы написали книгу по криминалистике. Верно?

— Да, я получил за нее солидный гонорар. Мог бы и больше, но она чуть-чуть недотянула до звания бестселлера.

Бергер поднял с пола один экземпляр «Мест преступления» и пролистал его.

— Знаменитые места преступлений... Нет, вы

только посмотрите! — Он рассмеялся. — Сколько же их здесь описано? Сорок? Пятьдесят?

— Пятьдесят одно.

Райм досконально описал все места преступлений в Нью-Йорке, которые только мог вспомнить. Книга появилась уже после несчастного случая, и посещать эти местечки он мог только мысленно. Некоторые из описанных преступлений были раскрыты, другие так и остались загадкой. В числе прочих Райм описал и «Олд Брюэри», старинное жилое здание, в котором в одну ночь 1839 года было совершено тринадцать преступлений, ничем не связанных между собой. Одна глава была посвящена Чарльзу Обриджу Дикону, убившему свою мать 13 июля 1863 года, во время восстания против вербовки солдат на Гражданскую войну. Затем он обвинил в ее смерти бывших рабов, чем спровоцировал крупнейший погром черного населения города.

Райм рассказал и об архитекторе Стэнфорде Уайте, убившем свою жену и ее любовника на том самом месте, где сейчас находится Медисон-сквер-гарден, и об исчезновении судьи Крейтера, и о Джордже Метески, безумном бомбометальщике 50-х, и о Мэрфи Прибое, пытавшемся похитить крупнейший алмаз «Звезда Индии», и о многих-многих других.

— Особенности строительства зданий в девятнадцатом веке... подземные реки... школы обучения дворецких, — читал Бергер, листая книгу и поражаясь эрудиции ее автора. — Сауны для гомосексуалистов, публичные дома в Чайна-тауне,

русские православные церкви... Откуда вы все это узнали о своем городе?

Райм пожал плечами. Во время службы в следственном управлении он изучил литературу по истории Нью-Йорка не меньше, чем по криминалистике. И не только по истории. Его интересовали политика, геология, социология, инфраструктура города.

— Специалисты по криминалистике существуют не в вакууме, — пояснил он. — Чем больше вы знаете об окружающем мире, тем больше можете применить...

Сразу же почувствовав, что в голосе зазвучали и другие нотки, стоило вспомнить прошлое, как он осекся и оборвал себя на половине фразы. Сейчас он сердился на себя за то, что доктор сумел так легко перехитрить его, заведя разговор на близкую ему тему.

— У вас это неплохо получилось, доктор Бергер, — мрачно констатировал Линкольн.

— Ну что вы... Кстати, зовите меня просто Билл. Пожалуйста.

Но Райма не так-то просто было смутить.

— Да, я об этом тоже кое-что слышал. Мне надо взять большой чистый гладкий лист бумаги и написать все причины, из-за которых мне хочется себя убить. Затем берется другой такой же белый чистый гладкий лист, но теперь я пишу на нем те причины, по которым мне этого делать не следует. Сразу приходят на ум такие слова, как «продуктивный», «полезный»,

«интересный», «бросающий вызов» и так далее. Большие красивые слова. Каждое весом в сто тонн. Но только для меня теперь они равным счетом ничего не значат. И, кроме всего прочего, я и карандаш-то в руки не могу взять, чтобы написать все это и спасти свою душу.

— Линкольн, — мягко обратился к Райму Бергер, — прежде всего я должен хорошенько убедиться в том, что вы являетесь подходящим кандидатом для нашей программы.

— Кандидатом? Для программы? Ах, ну да, это все эвфемизмы! — горько усмехнулся Райм. — Доктор, я все уже давно решил. И я хочу это сделать сегодня. Если говорить точнее, прямо сейчас.

— Но почему именно сегодня?

Глаза Райма вернулись к столику, где стояла бутылка с бренди.

— А почему бы и нет? — торопливо зашептал он. — Почему не сегодня? Двадцать третьего августа. Отличный денек. Ничем не хуже и не лучше остальных, чтобы умереть.

Доктор постучал себя пальцами по губам:

— И все же мне придется потратить еще некоторое время, чтобы побеседовать с вами, Линкольн. И только если я буду стопроцентно убежден в том, что вы действительно желаете продвигаться вперед по намеченному пути...

— Желая, — громко произнес Райм, в очередной раз убеждаясь в том, насколько слабы и невыразительны слова, если они не сопровождаются

жестикуляцией. Как ему хотелось сейчас для убедительности вложить свою ладонь в ладонь доктора или вознести руки к небу в мольбе!

Не спрашивая у хозяина разрешения, Бергер достал из кармана пачку «Мальборо» и закурил. Из другого кармана, как из волшебной шляпы фокусника, возникла складная металлическая пепельница. Бергер сидел на стуле, скрестив худые ноги, и напоминал теперь юношу, впервые вышедшего в свет и пробующего табак в компании взрослых.

— Линкольн, я полагаю, вы понимаете, какие проблемы возникают в нашем деле?

Конечно, он все прекрасно понимал. Именно поэтому Бергер и прилетел сюда лично, и по тем же причинам ни один из лечащих врачей Райма не согласился помочь ему. Подстегивать неизбежную смерть — это одно дело. Между прочим, почти треть всех врачей, которым приходится лечить безнадежных больных, нередко выписывают смертельные дозировки лекарств. И в этих случаях прокуроры в основном закрывают глаза на подробности смерти, если только сам доктор не начинает щеголять своей причастностью к случившемуся, как это было с Кеворкяном.

Но калека, инвалид, паралитик — совсем другое дело. Линкольну Райму недавно исполнилось сорок лет. Он отказался от искусственной вентиляции легких, и если внутри его не было нескольких коварных генов, то ничто не помешало бы ему дожить лет до восьмидесяти.

— Позвольте мне быть с вами откровенным до конца, — продолжал Бергер. — Я должен быть уверен, что меня не подставляют.

— Подставляют?

— Ну, все эти преследования со стороны прокуратуры... Я уже попадал в такую ловушку.

Райм искренне рассмеялся:

— Вы знаете, генеральный прокурор Нью-Йорка — слишком занятой человек, чтобы разбираться в жалобах какого-то инвалида.

Взгляд Райма случайно упал на оставленный Селитто отчет.

...В десяти футах юго-западнее жертвы на небольшом холмике белого песка найден плотный шарик беловатого цвета примерно двух дюймов в диаметре. Вещество было подвергнуто энергорассеивающему просвечиванию в рентгеновских лучах. Получена формула: $\text{Ca}_2\text{Mg}(\text{Al Si})_8\text{O}_{22}(\text{OH})_2$. Источник вещества не обнаружен. Образец отослан в лабораторию ФБР для дальнейшего анализа...

— Мне приходится соблюдать крайнюю осторожность, — добавил Бергер. — И это составляет существенную часть моей профессиональной деятельности. Ведь я полностью отказался от ортопедии. Кроме того, то, чем я занимаюсь сейчас, больше чем обыкновенная работа. Я посвятил свою жизнь помощи другим в окончании их жизни.

...В непосредственной близости от вышеуказанного предмета, а именно в трех дюймах, были найдены два обрывка бумаги. Один из них представляет собой фрагмент обыкновенной газеты со

словами «три часа дня» (шрифт «Таймс роман», краска типографская, используемая для печати коммерческих газет). Второй фрагмент предположительно является частью страницы из книги с напечатанными на нем цифрами 823. Шрифт «Гарамонд». При нингидриновом анализе обнаружены скрытые отпечатки пальцев. Идентификация невозможна...

Что-то начинало терзать Райма. Например, этот шарик. Почему Перетти сразу не выяснил, что это такое? Вроде бы здесь все достаточно очевидно. И для чего эти вещественные доказательства — и шарик, и обрывки бумаги — свалены в одну кучу? Что-то здесь явно не так...

— Линкольн!

— Простите...

— Я говорил... Вы же не являетесь смертельно больным человеком, умирающим от невыносимой боли. Кроме того, у вас есть крыша над головой. У вас есть деньги, талант. Вы консультируете полицейских... и это приносит людям огромную пользу. Если бы вы захотели, то смогли бы вести достойную и... да-да! — продуктивную жизнь. И достаточно долгую.

— Долгую. Вот именно. В этом тоже заключается моя проблема. — Райму надоело вести себя слишком вежливо, и он позволил себе грубо рявкнуть на доктора: — А на черта мне эта долгая жизнь, скажите на милость?!

— Понимаете, — медленно заговорил Бергер, — если у вас имеется хоть малейший шанс на то, что вы могли бы пожалеть о своем решении, то ведь жить с этим дальше придется мне. А не вам.

— А кому интересно в этом копаться? Никто ничего и не узнает.

Тем не менее глаза его воровато вернулись к отчету.

...На фрагментах бумаги находился железный болт с шестигранной головкой и с выдавленными на ней буквами КЭ. Длина — два дюйма, резьба по часовой стрелке, 15/16 дюйма в диаметре...

— Несколько дней я буду очень занят, — сообщил Бергер, поглядывая на свои часы. Райм заметил, что у доктора был превосходный «Ролекс». Что ж, смерть всегда прибыльна. — У меня есть еще час или что-то около того. Давайте поступим так. Мы сейчас с вами еще немного побеседуем, потом я вам даю день подумать, и после этого мы встретимся еще раз.

И снова что-то внутри не давало Линкольну покоя. Что-то зудело в нем. Чесотка — это проклятие для всех паралитиков, но на этот раз Райм испытывал интеллектуальный зуд. Тот самый, который мучил его всю сознательную жизнь.

— Послушайте, доктор, — внезапно попросил Райм, — не могли бы вы мне оказать одну услугу? Вот здесь мне оставили один отчет. Просмотрите его, пожалуйста. Меня интересует фотография железного болта.

Бергер еще колебался:

— Фотография?

— Поляроидный снимок. Он должен быть где-то приклеен, скорее в конце, а перелистывать всю пачку

мне очень долго.

Бергер взял отчет в руки и начал переворачивать одну страницу за другой.

— Вот здесь. Спасибо.

Едва взглянув на фотографию, Райм понял, что дело всерьез заинтересовало его. Нет, только не сейчас! Однако он не смог удержаться:

— Извините, но нельзя ли теперь снова вернуться к той странице, которая была открыта?

Бергер повинился.

Райм ничего не сказал, глаза его жадно вчитывались в текст.

И снова эти обрывки бумаги.

Три часа дня... страница 823...

Сердце Линкольна бешено заколотилось, лоб покрылся испариной. Он услышал знакомый нарастающий шум в ушах.

Райм мысленно представил себе заголовок завтрашних газет: «Пациент умирает во время ведения переговоров с доктором смерти...»

Бергер взволнованно заморгал.

— Линкольн? С вами все в порядке? — тихо спросил он, хитрым взглядом продолжая изучать Райма.

— Понимаете, доктор, — заговорил Линкольн, изо всех сил стараясь, чтобы голос его прозвучал бесстрастно, — мне тут кое-что принесли и попросили высказать свое мнение.

Бергер медленно кивнул:

— Значит, дела у них без вас идут неважно?

— Ничего страшного. — Райм попытался как можно беспечнее улыбнуться. — Я подумал: а что, если нам с вами встретиться, скажем, через пару часиков?

Здесь надо проявить максимальную осторожность. Если доктор почувствует, что Райм заинтересовался отчетом, то он явно не сочтет его склонным к самоубийству. Чего доброго, он заберет свой бесценный пузырек с таблетками, пластиковый пакет и улетит назад домой.

Бергер раскрыл свой блокнот и несколько секунд внимательно изучал его.

— Нет, сегодня я слишком занят, ничего не получится. Посмотрим, что у нас завтра... Боюсь, что раньше понедельника я не смогу у вас появиться. Значит, до послезавтра.

Райм колебался. Что же с ним происходит? Желание его души, к которому он стремился каждый день вот уже в течение года, кажется, может исполниться. Так в чем же дело?

Необходимо принять решение.

Его собственный голос показался Линкольну далеким и искусственным.

— Ну хорошо. Значит, в понедельник. — И он снова попытался изобразить на лице улыбку.

— Так что же у вас за проблемы? — ненавязчиво поинтересовался доктор.

— Понимаете, меня попросил о помощи один человек, с которым мы когда-то вместе работали. Ему необходим мой совет. Впрочем, мне не надо было

обращать так много внимания на его просьбу. Я обязательно позвоню ему.

Нет, дело тут вовсе не в дисрефлексии и даже не в приступах депрессии.

Линкольн Райм почувствовал, как его охватывает приятное, давно забытое чувство. Ему надо было торопиться.

— Вы не могли бы прислать ко мне Тома? — обратился он к Бергеру. — Он сейчас, наверное, внизу, на кухне.

— Конечно. С удовольствием.

Только сейчас Райм заметил нечто странное в глазах Бергера. Что же это? Предосторожность? Может быть. Или разочарование? Но сейчас у Линкольна не было ни времени, ни желания разбираться в подобных мелочах. Как только шаги доктора затихли, он нетерпеливо крикнул:

— Том!

— Что? — тут же отозвался снизу молодой человек.

— Звони Лону. Пусть немедленно возвращается сюда. Скорее!

Интересно, сколько же сейчас времени? Стрелки показывали начало первого. Оставалось менее трех часов.

ГЛАВА 4

— То, что нашли на месте преступления, туда положили не случайно, — заявил Линкольн Райм. — Это было сделано преднамеренно. Тут разыграно чуть ли не целое представление.

Лон Селитто снял пиджак, под которым оказалась жеваная неглаженная рубашка. Он прислонился к столу, заваленному многочисленными бумагами, и, сложив руки на груди, внимательно слушал своего старого друга.

Вместе с Лоном вернулся и Джерри Бэнкс. Сейчас он не сводил своих светло-голубых глаз с Райма. Ни кровать, ни панель управления больше его не интересовали.

— Но что пытается передать нам преступник? — нахмурился Селитто. — Что он хочет рассказать?

— На месте преступления, особенно если совершено убийство, преступник частенько специально оставляет различные вещицы, чтобы сбить с толку следователей и повести по ложному пути. Иногда встречаются довольно умные преступники, тщательно продумывающие каждый свой шаг, но большей частью и они допускают существенные промахи. Например муж, избивший жену до смерти, пытается инсценировать ограбление квартиры. Он «ворует» все драгоценности своей супруги, совершенно забывая о том, что оставляет при этом на самом видном месте свой собственный перстень или

золотой браслет.

Вот тут-то и кроется самое интересное, — продолжал Райм. — Все предметы, найденные на месте преступления, говорят не о том, что там случилось, а о том, что должно произойти в ближайшем будущем.

— С чего это ты так решил? — проворчал Селитто.

— Возьмем для начала клочки бумаги. Они явно свидетельствуют о том, что сегодня ровно в три часа дня должно что-то случиться.

— Сегодня?

— Вот посмотри! — Нетерпеливым кивком Райм указал в сторону отчета.

— На одном обрывке действительно написано: «Три часа дня», — констатировал Бэнкс. — А на втором остался только номер страницы, вырванной из какой-то книги. Почему вы решили, что речь идет о сегодняшнем дне?

— Это не номер страницы. — Райм изумленно приподнял бровь. Неужели они не могут сами до сих пор догадаться? — Рассуждайте логически! Единственной причиной, по которой преступник оставил нам эти «вещественные доказательства», было то, что он пытался нам что-то сказать. В данном случае номер самой страницы не имеет никакого значения, поскольку мы не знаем, из какой именно книги вырван листок. Ну а если это так, что же следует?

Молчание.

Потеряв терпение, Райм выкрикнул:

— Это число и месяц! Восемь — двадцать три. Восьмой месяц, август, и двадцать третье число. Значит, именно сегодня в три часа дня должно что-то произойти! Идем дальше. У нас имеется некий шарик. Это асбест.

— Асбест? — неуверенно произнес Селитто.

— В отчете написана его формула. Это же силикат магнезия. То есть асбест. Мне совершенно непонятно, зачем Перетти понадобилось отсылать его для дальнейшего анализа в лабораторию ФБР. Итак, на полотне железной дороги находится асбестовый шарик, а там его быть не должно. Кроме того, мы имеем железный болт, шляпка которого окислена, а ножка — нет. Это означает, что он был прикручен где-то в течение долгого времени и лишь недавно оттуда изъят.

— А не могло случиться так, что он пролежал очень долго в земле, а когда преступник копал могилу, случайно вырыл и его?

— Исключено, — уверенно заявил Райм. — В этом месте города подстилающая порода располагается достаточно близко к поверхности, а следовательно, и водоносный слой тоже. В почве на территории от Тридцать четвертой улицы и до самого Гарлема содержится столько влаги, что она способна окислить железо за несколько дней. Наш болт проржавел бы до самого основания, а не только его шляпка. Это в том случае, если бы он действительно долго пролежал в земле. Нет, его откуда-то открутили, принесли на место преступления и умышленно оставили. И еще

этот песок... Скажите мне на милость, какого черта на железной дороге в Манхэттене мы обнаруживаем холмик белого песка? Насколько мне известно, здесь в состав почвы входят суглинок, ил, гранит и мягкая глина.

Бэнкс уже открыл было рот, чтобы возразить, но Райм не стал дожидаться, пока заговорит молодой детектив, и снова сам взял слово:

— Самое главное: почему все эти необычные вещи были сложены вместе? Дело в том, что наш подозреваемый пытается нам что-то передать. Могу поспорить, что это именно так. Бэнкс, вы нашли боковой вход в туннель?

— Да, вы оказались абсолютно правы, — кивнул молодой человек, — примерно в ста футах севернее могилы располагается вход, который оказался выбитым изнутри. И насчет отпечатков обуви вы тоже сказали все верно. А следов шин мы так и не обнаружили...

И вот теперь еще кусочек асбеста, болт и обрывки бумаги...

— Скажите, а место преступления все еще остается закрытым?

— Нет, мы его разблокировали.

Линкольн Райм, инвалид, обладающий огромной емкостью легких, злобно зашипел, а затем закричал:

— Кто посмел допустить такую ошибку?!

— Не знаю, — виновато протянул Селитто, — скорее всего, дежурный офицер.

«Значит, Перетти», — подумал про себя Линкольн,

а вслух произнес:

— Ну, в таком случае придется ограничиться только тем, что мы уже имеем.

Все улики, которые могли поведать следователям о личности похитителя и о его действиях, находились сейчас в отчете или были бездумно затоптаны ботинками полицейских, праздных пешеходов и железнодорожных рабочих. Вся остальная работа по поиску необходимых сведений, то есть обычная рутина, включающая в себя опрос местных жителей, отработку версий, велась крайне медленно. Так было всегда. И только осмотр места преступления должен был производиться молниеносно. Именно так и поступал всегда Райм, когда еще служил в полиции. Если же подчиненные ему специалисты работали с меньшей скоростью, чем этого требовал Райм, он немедленно увольнял их и набирал в свою команду более расторопных полицейских.

— Перетти лично осматривал место преступления?

— И сам Перетти, и вся его группа в полном составе.

— В полном составе? — сухо переспросил Линкольн. — Что это еще такое?

Селитто взглянул на Бэнкса, и тот торопливо пояснил:

— Четыре технических работника из фотолаборатории, четыре специалиста по отпечаткам пальцев, восемь детективов и судебный эксперт.

— Целых восемь детективов осматривали место преступления?

Для работы с местом преступления сложились свои правила, по которым получалось, что в случае убийства лучше всего будет произведен осмотр двумя специалистами, так как один может что-то упустить из виду. Если же их будет трое или больше, выше вероятность, что они не обратят внимания на более важные детали, понадеявшись друг на друга. Что касается Линкольна Райма, то он всегда предпочитал работать в одиночку. Конечно, специалисты по отпечаткам пальцев пытались отыскать какие-нибудь скрытые следы, а фотографы делали свою работу — щелкали камерами и снимали место преступления на видео, — но основную работу Райм выполнял самостоятельно.

Перетти... Райм сейчас вспоминал, как лет шесть или семь назад он сам принял на службу этого подающего надежды сынка богатого политика. Место в отделе судебной экспертизы всегда считалось лакомым кусочком, и, чтобы попасть в подразделение к Райму, нужно было отстоять длинную очередь. Одной из любимых процедур отсеивания кандидатов у Райма являлся просмотр «семейного альбома» — коллекции самых отвратительных фотографий, сделанных на местах преступлений. Некоторые полицейские бледнели от подобных снимков, другие тихо похихикивали. А бывали и такие, кто возвращал альбом, недоуменно поднимая при этом брови и как бы спрашивая: «Ну и что?» Именно их и предпочитал Райм набирать в свою команду. Одним из них оказался и Перетти.

Селитто что-то спросил у Райма, но тот пропустил вопрос мимо ушей и теперь, в свою очередь, смотрел на Лона так, словно хотел, чтобы тот повторил свою просьбу:

— Ну так ты будешь работать вместе с нами над этим делом?

— Работать вместе с вами? — Райм рассмеялся и закашлялся. — Не могу, Лон. Я постараюсь выдать вам несколько свежих идей, которые, может быть, окажутся кстати. Расследование поручено тебе, вот и дерзай. Том, соедини меня с Бергером, — внезапно обратился он к помощнику.

Сейчас он жалел о том, что отложил свою встречу с доктором на целых два дня. Но кто знает, возможно, еще не поздно и они смогут увидеться в самом ближайшем будущем? Райм почувствовал, что ему будет очень трудно прожить эти дни, прежде чем он наконец совершит свой долгожданный переход... Понедельник. Почему-то именно сейчас ему было неприятно думать о смерти именно в понедельник. Наверное, ничего необычного в таком решении не было.

— Скажите «пожалуйста», — капризно потребовал помощник.

— Том!

— Ну хорошо, хорошо. — Юноша поднял обе руки, показывая тем самым, что сдается, полностью повинувшись своему хозяину.

Райм беспомощно оглядел столик, на котором доктор оставил бутылку, пузырек с таблетками и

пластиковый пакет. Они казались такими близкими и одновременно недостижимыми, как, впрочем, и многое другое в жизни инвалида.

Селитто набрал номер, поднес трубку к уху и чуть склонил голову, прислушиваясь к голосу на другом конце провода. Он представился и мельком взглянул на часы. Стрелки показывали половину первого.

— Да, сэр. — Детектив перешел на почтительный шепот, и Райм сразу догадался, что Лон звонит мэру. — Это относительно похищения из аэропорта Кеннеди. Я уже успел переговорить с Линкольном Раймом... Да, сэр, у него имеются кое-какие зацепки по этому поводу... — Лон не спеша перешел к окну, бессмысленно оглядел соколов, одновременно пытаясь объяснить нечто непостижимое человеку, управляющему самым таинственным городом на планете. Затем он повесил трубку и повернулся к Райму. — Они вместе с шефом хотят, чтобы этим делом занялся именно ты, Линк. Очень просили. Сам Уилсон.

Райм не смог удержаться от смеха:

— Лон, да ты оглянись вокруг себя! Ты что, ничего не замечаешь? Неужели я похож на человека, способного вести расследование?

— Обычное расследование — вряд ли. Но дело в том, что сейчас мы столкнулись с весьма неординарным убийством. Разве я не прав?

— Прости, но у меня нет на это времени. Тот самый доктор... И новый тип лечения... Том, ты дозвонился до него?

— Пока нет. Подождите еще минутку.

— Немедленно! Сейчас же звони и, пока не добьешься, не отходи от телефона! — рассердился Райм.

Том взглянул на Селитто и вышел из комнаты. Райм понял, что помощник и не собирался никуда звонить. Черт бы его побрал!

Бэнкс дотронулся до одного из порезов на лице и неожиданно выпалил:

— Ну тогда хотя бы поделитесь своими соображениями. Пожалуйста. Этот предполагаемый подозреваемый, как вы говорили, он ведь...

Селитто взмахом руки приказал Джерри замолчать, не сводя при этом пристального взгляда с Райма.

«Ах ты, старый хрен! — думал Линкольн. — Как мне это знакомо! Эта тишина, которую мы так ненавидели и пытались заполнить хоть чем-нибудь. Сколько свидетелей и подозреваемых было похоронено в этой гнетущей тяжелой тишине!» Несомненно, они с Селитто составляли единую команду. Райм прекрасно управлялся с вещественными доказательствами, а Лон превосходно работал с людьми. Они прекрасно дополняли друг друга.

Два мушкетера. И если существовал третий, то им являлась полная и строгая тишина.

Глаза детектива остановились на отчете, лежащем на столике Райма.

— Послушай, Линк, что же сегодня должно

произойти ровно в три часа дня? — спросил он.

— Понятия не имею, — равнодушно произнес тот.

— Прямо так и не имеешь? — ехидно переспросил Селитто.

«Ах ты, хитрюга! Но так просто меня не возьмешь!»

— Он собирается убить ее, — наконец словно нехотя заговорил Райм. — Ту самую женщину из такси. И очень жестоким способом. Это я вам гарантирую. Он задумал нечто такое, что будет равносильно погребению заживо.

— О господи! — прошептал Том, который до сих пор стоял в дверях и не думал никуда уходить.

Почему они не оставят его в покое? Может быть, стоит им рассказать, какую невыносимую боль в шее и плечах он сейчас испытывает? Или о другой боли, фантомной, которая хоть и не столь сильная, но куда более пугающая. Она мучает все его тело, которое уже давно забыло физические ощущения. Может быть, имеет смысл поведать им, насколько он устает ежедневно оттого, что... что вообще продолжает существовать? И еще о той слабости, которая угнетает его, а причиной ее является постоянная зависимость от других...

Можно рассказать им и о том проклятом комаре, который залетел к нему в комнату прошлой ночью и в течение целого часа атаковал его лицо. У Райма даже закружилась голова, когда он пытался избавиться от него, пока наконец маленькое чудовище не уселось Линкольну на ухо, где тот позволил себя укусить,

чтобы только отделаться от надоедливого насекомого. И то лишь потому, что это место было доступно Райму: впоследствии он мог спокойно тереться ухом о подушку, чтобы почесать укушенное место.

Селитто приподнял бровь.

— Сегодня, — вздохнул Райм. — Именно так.

— Спасибо, Линк. Мы тебе обязаны. — Селитто подвинул свой стул поближе к кровати приятеля и кивком велел Бэнксу последовать его примеру. — Ну а теперь, — попросил он, — нельзя ли поговорить об этом подробнее? Что же задумала эта сволочь?

— Не так быстро, — остудил его Райм. — Я не работаю в одиночку.

— Что ж, это разумно, — согласился Лон. — Кого бы ты хотел видеть в своей комнате?

— Технического сотрудника из следственного управления. Причем самого лучшего. Пусть немедленно приезжает сюда со всем основным оборудованием. Нужны еще несколько ребят, которые начнут проводить тактическую работу. Да, и еще мне понадобится несколько телефонов, чтобы дело пошло быстрее, — подчеркнул Райм, одновременно поглядывая на бутылку виски, стоящую на тумбочке.

Ему тут же вспомнился и дешевый бренди из набора Бергера. Нет уж, если он решил на последний переход, ему поможет не подобная дешевка, а что-нибудь весьма дорогое и достойное — например, «Лагавулин» шестнадцатилетней выдержки или даже «Макаллан», возраст которого исчисляется десятилетиями. Или (а почему бы и нет?) и то и другое

одновременно.

Бэнкс сразу же выложил на столик свой сотовый телефон.

— Куда надо звонить? — с готовностью отозвался он.

— В город.

— Отсюда?

— Нет! — рявкнул Райм.

— Он имел в виду, что ему нужны операторы, которые по телефонам начнут добывать необходимую информацию, — пояснил Селитто. — Кто-нибудь из наших полицейских диспетчеров.

— Теперь понятно.

— Звони в контору, — приказал Селитто, — пусть нам предоставят двух-трех диспетчеров.

— Лон, — обратился к приятелю Райм, — а кто опрашивал местных жителей по поводу сегодняшнего убийства?

— Братья Харди, — выпалил за него Бэнкс и улыбнулся. Но Райм так сверкнул на него глазами, что улыбка тут же слетела с лица юноши. — Детективы Беддинг и Саул, сэр, — быстро добавил он.

Но на этот раз не удержался уже сам Селитто и усмехнулся:

— Братья Харди. По-другому их никто и не называет. Ты их не знаешь, Линк. Эти ребята работают в отделе по расследованию убийств в центральном районе города.

— Они близнецы, — пояснил Бэнкс, — и их почти невозможно различить. К тому же они довольно

забавные, — добавил он.

— Только комедиантов нам здесь не хватало, — нахмурился Райм.

— Нет, не в этом дело, — поспешил заверить Райма Лон. — Они профессионалы. Лучше их никто не сумеет прочесать местность. Помнишь, в прошлом году была похищена восьмилетняя девочка в Куинсе? Так вот, преступника нашли только благодаря Саулу и Беддингу. Они буквально замучили своими вопросами весь район. В их отчетах насчитывалось две тысячи двести протоколов! Если бы не они, мы бы так и не схватили того мерзавца. Когда мы узнали, что жертвами были пассажиры из аэропорта Кеннеди, сам Уилсон потребовал, чтобы братья Харди подключились к расследованию.

— И чем же они сейчас занимаются?

— Поиском свидетелей. В основном в районах, примыкающих к железной дороге. Кроме того, они пытаются узнать все возможное о таксисте и его машине.

— Так ты позвонил Бергеру или нет?! — неожиданно закричал Райм в коридор, обращаясь к Тому. — Разумеется, нет! А тебе известно такое слово, как «неповиновение»? Что ты там торчишь без дела? По крайней мере, мог бы немного помочь и здесь. Снова поставь отчет в рамку и начинай перелистывать страницы.

— Похоже, у нас сегодня благодушное солнечное настроение, — огрызнулся Том.

— Немного повыше, а то я вконец ослепну! —

продолжал ворчать Райм.

Он впился глазами в текст и некоторое время с интересом читал, затем взглянул на Селитто. Тот попытался кому-то дозвониться, но Линкольн перебил его:

— Что бы ни случилось сегодня в три часа дня, если нам удастся найти это место, там будет совершено преступление. Именно поэтому мне нужен надежный человек, который осмотрит его.

— Хорошо, — кивнул Селитто. — Я свяжусь с Перетти. Можно бросить ему эту лакомую косточку. Я знаю, что он лично не будет напрашиваться в нашу команду, поскольку считает, что мы обязаны ходить вокруг него на цыпочках.

— Разве я просил, чтобы к нам присоединился Перетти? — пробурчал Райм.

— Он сейчас считается одним из лучших сотрудников в следственном управлении, — возразил Бэнкс.

— Нет, только не он, — пробормотал Райм. — Есть еще кое-кто, кого бы я с удовольствием принял в нашу команду.

Селитто и Бэнкс недоумевающе переглянулись. Потом Лон улыбнулся, машинально поглаживая свою измятую рубашку.

— Кто бы он ни был, ты его получишь, — уверенно пообещал он Линкольну. — Ты у нас сегодня король дня.

Ти-Джей Колфакс смотрела в черный глаз трубы.

Уроженка горных склонов восточной части штата Теннесси, выпускница Высшей школы бизнеса Нью-Йорка и отличный сотрудник отдела операций с валютой только что очнулась от тяжелого сна, больше напоминавшего глубокий обморок. К щекам липли спутанные волосы, пот ручьями стекал по лицу и шее, попадая на грудь.

Выбравшись из мрака сна, она увидела, что смотрит в черное отверстие какой-то ржавой трубы диаметром дюймов шесть, из которой была вынута заглушка.

Она втянула носом воздух, поскольку рот до сих пор был заклеен широкой липкой лентой. Неприятный запах горячего пластика распространился по всей носоглотке и заставил девушку поморщиться.

«Что случилось с Джоном? — размышляла Ти-Джей. — Где он?» Колфакс отгоняла от себя мрачные мысли и старалась не вспоминать тот громкий хлопок, услышанный ею еще вчера вечером в этом подвале. Она выросла в Теннесси и знала, что он может означать.

«О Господи! — молилась она за своего начальника. — Сделай так, чтобы с ним все было в порядке!»

«Необходимо оставаться спокойной и не паниковать, — решила для себя девушка. — Если начнешь снова орать, вспомни, что может произойти». Тогда, после выстрела, она впала в истерику и разрыдалась так, что едва не задохнулась.

Только спокойствие.

Можно смотреть в этот черный глаз трубы и притвориться, будто он даже весело подмигивает. Надо сделать вид, будто это и есть твой ангел-хранитель, который пытается приободрить тебя и вселить в душу хоть каплю надежды.

Ти-Джей сидела на полу в окружении бесконечных труб и проводов. Здесь царила изнуряющая жара. Жарче, чем в столовой у ее брата, жарче, чем в июльские дни в автомобиле с поднятыми стеклами. Где-то капала вода с потолка, с проржавевших решеток свисали самые настоящие сталактиты. Единственное освещение — несколько тусклых желтых лампочек. А над самой головой Ти-Джей торчал какой-то предупреждающий знак. Она не могла разобрать, что же там написано, и видела сейчас только расплывчатый текст в красной рамке. О чем бы ни сообщала эта табличка, в самом конце надписи был выведен жирный восклицательный знак.

Ти-Джей снова попыталась высвободиться из оков, но наручники надежно сжимали ее запястья, врезаясь в кожу почти до кости. Отчаянный, почти животный крик вырвался из горла несчастной девушки. Однако толстая липкая лента и гул работающего где-то неподалеку оборудования заглушили этот невнятный звук. Никто не смог бы услышать его, даже если бы находился рядом.

Черный глаз безмолвно смотрел на девушку. «Ты ведь обязательно спасешь меня. Верно?» — уже в который раз мысленно обратилась она к бездушной трубе.

Неожиданно где-то вдали раздался грохот металла, словно кто-то закрыл железную заслонку. Примерно с таким же звуком запираются двери на пароходе. Шум исходил откуда-то из недр трубы, из ее дружелюбного глаза.

Ти-Джей дернулась и попыталась встать на ноги, однако ей не удалось приподняться ни на дюйм.

«Ничего страшного, не надо паниковать, — снова сказала она себе. — Немного переждем и попробуем еще раз».

Только теперь она поняла, что сумеет прочитать табличку. Надо только немного придвинуться к ней поближе и наклонить голову. Вот теперь буквы становились понятными и больше не расплывались.

Нет, только не это! О господи!..

И Ти-Джей снова расплакалась.

Почему-то перед ее мысленным взором возникла мать, с гладко зачесанными назад волосами, в своем любимом васильковом фартуке. Она нагнулась над дочерью и ласково зашептала: «Все будет хорошо, дорогая моя. Не волнуйся».

Но Ти-Джей не поверила этим успокаивающим словам.

Она верила в надпись, которую ей удалось наконец разобрать:

Опасно для жизни!

Горячий пар под большим давлением!

Не снимать заглушку с трубы!

За консультацией обращаться в «Консолидейтед Эдисон».

Опасно для жизни!

Теперь черный глаз смотрел зловеще. Он вел в самые недра котельной. Сейчас он кровожадно созерцал нежную розовую грудь мисс Колфакс. Откуда-то издалека снова раздались звонкие удары металла о металл. Это ремонтные рабочие налаживали и подтягивали старые стыки на трубах парового отопления.

Тэмми Джин плакала и не могла остановиться. Затем вдали послышался какой-то странный звук, напоминающий стон, и в эту же секунду ей показалось, что черный глаз наконец-то подмигнул ей.

ГЛАВА 5

— Вот вкратце и все, что мы имеем на текущий момент, — подытожил свою короткую речь Линкольн Райм. — Имеются похищенная девушка и ограничение во времени до трех часов дня.

— И никаких записок или сообщений с требованием выкупа, — добавил Селитто, а потом повернулся к отчаянно трезвонившему телефону.

— Джерри, — попросил Райм молодого детектива, — ознакомь присутствующих с подробностями преступления, произошедшего сегодня утром.

Райм не мог бы точно вспомнить, когда в последний раз в его мрачной одинокой комнате собиралось столько народу. Ну конечно, сразу после того несчастного случая к нему часто навевались друзья, да и просто знакомые. Причем делали они это достаточно беззастенчиво, не сообщая о своем намерении по телефону и ссылаясь лишь на то, что «находились поблизости и решили заскочить» (прекрасно зная о том, что Райм постоянно находится дома, — куда же ему еще деваться), но в конце концов Линкольну это порядком надоело, и он решил отделяться от надоедливых посетителей. Постепенно он перестал звонить друзьям, все более отдаляясь от них, становясь замкнутым и нелюдимым. Сначала он долгие часы проводил в работе над своей книгой, а когда закончил ее, углубился в чтение художественной литературы. Когда и это ему

наскучило, он начал брать напрокат видеофильмы и посвящать свободное время прослушиванию классической музыки. Постепенно надоело и это — тогда он переключился на живопись. Он мог часами рассматривать репродукции известных картин, которые по его просьбе помощник аккуратно наклеивал на стены комнаты. Наконец и это осточертело Райму, и он замкнулся в себе. Как ему казалось, уже навсегда.

Одиночество...

Оно стало единственным нормальным состоянием, к которому стоило стремиться, и вот теперь его грубо нарушили.

По комнате разгуливал взволнованный Джим Поллинг. Конечно, дело было поручено Лону Селитто, но такое запутанное преступление требовало тщательного расследования, и здесь, конечно, требовался более значительный руководитель, коим и вызвался выступить на этот раз Джим. Преступление походило на бомбу замедленного действия, и его удачное расследование могло существенно повлиять на карьеру полицейского, поэтому Поллинг счел своим долгом участвовать в нем. Конечно, это участие будет проводиться как бы со стороны, зато, когда все закончится и настанет время для пресс-конференций, в печати замелькают слова «при участии», а также «был уполномочен», «был назначен» и подобные. Пожалуй, только один Райм не мог понять, почему кто-то стремится возглавить это расследование.

Поллинг считался весьма странным типом. Этот

низкорослый неприметный человечек сделал себе прекрасную карьеру в участке на севере Мидтауна, заработав репутацию одного из наиболее удачливых детективов по расследованию убийств. Он был также известен своим вспыльчивым характером, из-за чего однажды даже застрелил невооруженного подозреваемого. Однако это не повредило его служебному росту, поскольку вскоре Поллинг сумел реабилитироваться, выйдя на след Шепарда — того самого серийного убийцы полицейских, из-за которого и пострадал Линкольн Райм, и добившись его осуждения. После этого знаменательного события Джим получил звание капитана, и в тот же момент в его жизни произошли существенные перемены. Он перестал носить джинсы и костюмы из «Сирса», переключившись на одежду от Кальвина Кляйна, и мечтал теперь об уютном кабинете на одном из верхних этажей в Центральном полицейском управлении.

Еще один офицер пристроился рядом со столиком. Стройный и подтянутый, с аккуратной короткой стрижкой, капитан Боу Хауманн был начальником группы быстрого реагирования нью-йоркской полиции.

Бэнкс закончил говорить как раз в тот момент, когда Селитто повесил трубку.

— Звонили братья Харди, — сообщил Лон.

— Что-нибудь новенькое насчет такси? — встрепенулся Поллинг.

— Нет, пока что ребята бьются вхолостую.

— Может быть, эта девушка влезла в чью-то личную жизнь и мы имеем дело с элементарной женской мстью? — предположил Поллинг. — Или у нее оказался чересчур ревнивый приятель?

— Нет, никакие любовники здесь не замешаны. Если она и встречалась с кем-то, то все это можно считать несерьезными свиданиями, не более того.

— Неужели до сих пор никто не потребовал за нее выкуп? — удивлялся Райм.

— Нет.

У входной двери раздался звонок. Том пошел открывать.

Райм прислушался к голосам в прихожей.

Через несколько секунд Том провел в комнату женщину в полицейской форме. Издалека она казалась очень молодой, но когда подошла поближе, Райм увидел, что ей около тридцати. Женщина была высокой и имела именно ту внешность и уверенную красоту, которой отличаются девушки с обложек модных глянцевого журналов.

Мы обычно воспринимаем людей так же, как стали бы оценивать себя, и с момента несчастного случая Линкольн Райм перестал обращать внимание на тела людей. Он совершенно хладнокровно оглядел ее округлые бедра, ладную фигурку и ярко-рыжую шевелюру. Может, кто-то, увидев такую красотку, и мог воскликнуть что-нибудь вроде: «Ух ты! Вот это да!» — но только не Линкольн Райм. Что его действительно сразу же потрясло в этой женщине, так это ее глаза — вернее, взгляд.

Не удивление из-за того, что ей пришлось встретиться с инвалидом, нет, здесь было что-то совершенно другое. Райм не помнил такого взгляда у женщин. Словно его беспомощное состояние вполне удовлетворяло ее, будто она даже не обратила на это внимания, словно так и должно быть. Ее реакция совсем не походила на ту, с которой ему приходилось сталкиваться столько раз. Она вошла в комнату, и Райму сразу стало ясно, что эта женщина чувствует себя здесь действительно в своей тарелке.

— Офицер Сакс? — обратился к ней Райм.

— Да, сэр, — бойко ответила Амелия, поймав себя на том, что ей захотелось пожать ему руку. — А вы детектив Райм?

Селитто представил ей Поллинга и Хауманна. Об этих полицейских она уже слышала раньше и теперь вся превратилась в слух.

Она мигом оценила обстановку, в которой ей пришлось оказаться: мрачная пыльная комната, неубранная, переполненная вещами. Под столом ее внимание привлек наполовину развернутый плакат с репродукцией картины Эдварда Хоппера «Ночные ястребы», на которой было изображено, как поздним вечером в каком-то заброшенном кабаке ужинают несколько посетителей. Этот плакат дольше всех продержался на стене и свалился последним из-за собственной тяжести. Том еще не успел убрать его.

Райм коротко объяснил Амелии, что у них осталось очень мало времени, а именно только до трех часов. Она понимающе кивнула, но в ее глазах

промелькнул какой-то непонятный блеск. Что это? Страх? Или, может быть, отвращение?

Джерри Бэнкс, носивший на пальце кольцо, хоть и красивое, но не обручальное, сразу же оценил ее потрясающую внешность и одарил молодую женщину восхищенной улыбкой. Однако в ответ он получил такой взгляд, что юноше сразу все стало понятно: ни о каком флирте здесь не может быть и речи. Да и вне пределов этой комнаты — тоже.

— А не может здесь быть ловушки? — высказал предположение Поллинг. — Он выведет нас туда, куда ему нужно, мы попадемся на его удочку, а потом окажется, что он заранее заложил в помещение бомбу или что-то в этом роде?

— Сомневаюсь, — пожал плечами Селитто. — Зачем ему для этого прибегать к таким сложностям? Если уж так приспичило убивать полицейских, куда легче их просто находить и отстреливать.

Наступила неловкая пауза, во время которой Поллинг переводил взгляд с Селитто на Райма и обратно. Все почему-то сразу вспомнили, что Линкольн повредил позвоночник именно при расследовании подобного преступления, о котором сейчас вскользь упомянул Лон.

Однако на самого Райма данное предположение не произвело никакого впечатления. Он продолжил:

— Я согласен с Лоном, хотя о мерах предосторожности забывать не следует. Нас может ожидать засада. Похоже, наш подопечный действует по собственным правилам.

Сакс снова принялась рассматривать картину Хоппера. Райм проследил за взглядом женщины. Теперь ему почему-то показалось, что ужинающие посетители кабака не так уж и одиноко себя чувствуют. Если изучить картину повнимательнее, становится очевидно, что они весьма довольны своим положением.

— У нас имеется как бы два вида вещественных доказательств, — продолжал Линкольн, — стандартные, то есть те, что преступник не собирался оставлять после себя. Сюда относятся волосы, отпечатки, возможно, кровь и следы от обуви. Если нам удастся найти достаточное количество именно этих следов, то мы сумеем обнаружить и первичное место преступления, то есть дом, где и живет наш подозреваемый.

— Или убежище, где он прячется, — подхватил Селитто. — Это может быть и временное жильё.

— Укромное безопасное место? — кивая, размышлял вслух Райм. — Не исключено, что ты прав, Лон. Ему необходимо такое место. Именно оттуда он и начинает свои операции... Кроме того, имеются умышленно оставленные вещественные доказательства. Кроме обрывков бумаги, которые подсказывают нам, когда совершится преступление, в нашем распоряжении есть болт, кусок асбеста и песок.

— Опять начинается эта поганая охота вслепую, — заворчал Хауманн, приглаживая свой ежик. Сейчас он напоминал Райму вышколенного сержанта, которым, собственно, тот и являлся.

— Значит, я могу доложить начальству, что у нас есть все основания полагать, что мы вовремя обнаружим жертву? — с надеждой в голосе произнес Поллинг.

— Я думаю, да.

Капитан тут же принялся набирать номер, не забыв уединиться в дальнем углу комнаты. Когда разговор был окончен, он нахмурился.

— Я беседовал с мэром, — сообщил он. — Он и шеф полиции ждут меня. Через час у них начинается пресс-конференция, и они хотят, чтобы я тоже на ней присутствовал. Что-нибудь еще им сообщить?

Селитто посмотрел на Райма, но тот лишь отрицательно шевельнул бровями.

— Пока что нет.

Поллинг вернул Лону его сотовый телефон и буквально вылетел из комнаты.

Через несколько секунд наверх легким шагом поднялся сухощавый лысый мужчина лет тридцати с небольшим. На первый взгляд Мэл Купер производил впечатление полного профана, годного лишь на роль простака в комедии. Его сопровождали двое полицейских, несших увесистый сундук и два кейса. Казалось, вес багажа составлял не менее тысячи фунтов. Полицейские поставили свою поклажу на пол и покинули комнату.

— Здравствуй, Мэл, — приветствовал вошедшего Райм.

— Добрый день, детектив. — Купер подошел к постели и пожал безжизненную руку Линкольна.

«Единственный физический контакт за весь сегодняшний день», — отметил про себя Райм. Они работали вместе несколько лет. Мэл имел ученые степени по органической химии, физике и математике и считался отличным специалистом по отпечаткам пальцев, ДНК, судебной экспертизе и вообще анализу любых вещественных доказательств.

— Как поживает лучший криминалист мира? — поинтересовался Купер.

Райм добродушно усмехнулся. Этим титулом его наградила пресса, после того как ФБР выбрало его — городского полицейского — консультантом для комплектования своего следственного отдела, анализировавшего вещественные доказательства, найденные на местах преступлений. Не удовлетворившись привычным званием должности «специалист судебной экспертизы», они повесили на него ярлык «лучший криминалист мира».

К тому времени слово «криминалист» уже прижилось в Америке. Впервые так назвали легендарного Пола Леланда Кирка, который долгое время работал директором школы судмедэкспертов в Беркли. Эту первую в истории США школу основал еще более известный человек — Август Волмер. Потом словечко стало модным, и теперь любой технический сотрудник из области судебной экспертизы, приставая на вечеринке к симпатичной блондинке, считал своим долгом отрекомендоваться как «криминалист».

— Я думаю, это кошмар для любого нормального

человека, — поморщился Купер. — Спокойно сесть в такси и уже через минуту осознать, что за рулем находится самый настоящий маньяк-убийца. А в это время весь мир наблюдает за Нью-Йорком, потому что именно здесь происходит Всемирная конференция ООН. Да, для расследования такого дела они кого хочешь вернут с заслуженного отдыха!

— Как поживает твоя матушка? — поинтересовался Райм.

— Все еще жалуется на постоянные боли во всем теле, хотя по-прежнему чувствует себя куда лучше, чем я сам.

С самого рождения Купер жил в небольшом бунгало в Куинсе со своей матерью. Он обожал бальные танцы и занимался танго. Злые языки поговаривали, что у Купера не все в порядке с сексуальной ориентацией. Райм не очень интересовался личной жизнью своих подчиненных, хотя сам был удивлен не меньше остальных, когда Купер наконец представил товарищам свою невесту Грету, скандинавскую девушку ослепительной красоты, преподававшую высшую математику в Колумбийском университете.

Купер неторопливо открыл свой сундук, обитый изнутри бархатом, достал оттуда детали трех микроскопов и начал с предельной аккуратностью собирать их.

— Воздушные потоки будут мешать. — Он с сожалением осмотрел отдушины и поправил очки на переносице.

— Потому что это самый обыкновенный жилой дом, Мэл.

— А я бы не удивился, если бы узнал, что ты предпочитаешь жить в лаборатории.

Райм с удовольствием смотрел на эти знакомые старые инструменты. Целых пятнадцать лет своей жизни он провел с точно такими же. Стандартный микроскоп, фазоконтрастный и поляризованная легкая модель. Затем Купер вынул из кейсов целую коллекцию всевозможных склянок и пробирок. Райм сразу же начал вспоминать названия различных реактивов и оборудования, словно только вчера работал с ними. Набор для полного анализа крови, уксусная кислота, ортотолитин, реактив люминола, магнитный порошок, реактив Рухеманна...

Поджарый Купер деловито осмотрел комнату:

— Тут все выглядит почти так же, как и в твоём кабинете, Линкольн. Интересно, как ты находишь нужную тебе вещь? Я бы растерялся среди такого скопления всякой всячины...

— Том. — Райм кивнул помощнику в сторону менее захламленного столика, и тот проворно убрал с поверхности книги и журналы, расчистив пространство для микроскопов.

Селитто еще раз взглянул на отчет.

— Так как мы назовем нашего подозреваемого? — поинтересовался он. — У этого дела нет даже порядкового номера.

— Назови любое число, — обратился Райм к Бэнксу. — Ну, первое, что придет тебе в голову.

— Давайте используем номер найденной страницы, — тут же предложил Джерри. — То есть сегодняшнее число, — сразу поправился он.

— Итак, подозреваемый номер восемьсот двадцать три. Не лучше и не хуже любого другого номера.

Селитто тут же внес это в свой блокнот.

— Хм... Извините, пожалуйста, детектив Райм...

Райм повернул голову. Говорила женщина:

— Мне в полдень надо было приехать в управление...

— Офицер Сакс, — ответил Райм, — кажется, вы сегодня были дежурным полицейским? Я имею в виду, что это именно вы обнаружили труп возле железнодорожного полотна?

— Да. Все верно. Я ответила на телефонный звонок и поехала на место преступления, — проговорила Амелия, хотя со стороны казалось, что теперь она обращается к Тому.

— Офицер, я нахожусь немного левее, — едва сдерживаясь, напомнил о себе Линкольн. — Вот здесь. — Его раздражало, когда кто-то, обращаясь к нему, говорил, глядя на него сквозь посторонних, здоровых людей.

Женщина резко повернула голову на звук его голоса, и Райм понял, что Сакс достаточно быстро учится и хорошо запоминает уроки.

— Да, сэр, — тихо отметила она, сверкнув льдинками своих красивых глаз.

— Я уже не служу в полиции, — напомнил Райм, — поэтому можете звать меня просто Линкольном.

— Я хочу, чтобы вы сначала разобрались со мной.

— А в чем дело?

— Я не понимаю, почему сейчас необходимо мое присутствие. Если вам нужно мое письменное извинение, я его вам представляю. Понимаете, я опаздываю на занятия и, кроме того, никак не могу дозвониться до начальника, чтобы предупредить его о том, что задерживаюсь.

— Извинения? — снова не понял ее Райм.

— Я не имею никакого опыта в осмотре места преступления, — пояснила Амелия. — Поэтому я, наверное, действовала неосмотрительно и перестаралась.

— О чем вы говорите?

— О том, что я самовольно перекрыла Одиннадцатую улицу и остановила движение поездов. Из-за меня сенатор не смог вовремя выступить со своей речью и кое-кто из участников конференции выбился из намеченного графика.

— А вы знаете, кто я такой? — искренне рассмеялся Райм.

— Конечно. Мне и раньше приходилось о вас много слышать. Только я почему-то всегда считала, что вы...

— Что я уже умер? — помог ей Райм.

— Нет, я имела в виду совсем другое, — вспыхнула Амелия, хотя она хотела сказать именно это. — Мы все учились в академии по вашей книге, но почему-то никто лично с вами не встречался. То есть... — Она уставилась в стену и отчеканила: — Как

офицер полиции, я сочла необходимым остановить движение поездов и перекрыть улицу, ближайшую к месту преступления, чтобы сохранить его нетронутым. Именно так я и поступила, сэр.

— Я же просил вас называть меня Линкольном. Итак, вы...

— Я...

— Кстати, как вас зовут?

— Амелия.

— Амелия? Уж не в честь ли великой летчицы?

— Нет, сэр, это обычное женское имя.

— Итак, Амелия, мне не нужно от вас никаких письменных извинений и объяснений. Вы поступили правильно, а Винс Перетти в данном случае оказался не прав.

Селитто чуть не поперхнулся от такой неучтивости по отношению к коллеге-офицеру, но Райму сейчас было наплевать на подобные мелочи. В конце концов, он был одним из немногих людей, кто мог бы себе позволить и пальцем не шевельнуть, даже если бы в эту комнату вошел сам президент Соединенных Штатов.

— Перетти отнесся к своим обязанностям так, — продолжал Райм, — как будто мэр заглядывал ему через плечо; а это прямая дорога к тому, чтобы все испортить. Ни в коем случае нельзя было возобновлять движение по улице и тем более пускать поезда. Кто знает, вдруг, если бы вам предоставили возможность и далее обследовать место преступления, мы могли бы обнаружить там даже визитную карточку

нашего подозреваемого или огромный отпечаток его большого пальца.

— Не исключено, что так оно и было, — осторожно согласился Селитто, — но давай все-таки оставим эти предположения при себе.

Лон переводил взгляд с Сакс на Купера и юного Бэнкса.

Райм рассмеялся. Затем он повернулся к Сакс и увидел, что женщина, как и Бэнкс сегодня утром, пристально рассматривает его тело и ноги, прикрытые светло-оранжевым пледом.

— Я пригласил вас сюда, — объяснил он, — чтобы вы работали с нами и смогли как следует осмотреть следующее место преступления.

— Что? — На этот раз она смотрела непосредственно в глаза Линкольну.

— Чтобы вы работали вместе с нами, — терпеливо повторил тот. — На следующем месте преступления.

— Но... — она нервно засмеялась, — но я не судебный эксперт. Я простой патрульный полицейский.

— А у нас достаточно необычное дело. И это вам подтвердит детектив Селитто. Это просто дикость какая-то, верно, Лон? Все правильно; если бы все шло по определенным правилам, я бы и не стал беспокоить вас. Но сейчас нам, как никогда, требуется свежая пара глаз.

Сакс беспомощно посмотрела на Селитто, но тот молчал.

— Я... я буду вам бесполезна. Я просто уверена в

этом.

— Ну хорошо, — спокойно произнес Райм. — Хотите правду?

Амелия кивнула.

— Мне нужен человек, у которого хватает смелости останавливать поезда, чтобы сохранить нетронутым место преступления, а потом еще и сил, чтобы отстаивать свою правоту.

— Спасибо вам за доверие, сэр. То есть Линкольн. Но только...

— Лон, — повернулся Райм к приятелю.

— Офицер, — обратился к Сакс Селитто, — мы не предлагаем вам никакого выбора. Вас назначили участвовать в расследовании этого преступления и оказывать посильную помощь следствию.

— Сэр, я вынуждена протестовать. По состоянию здоровья меня как раз сегодня переводят с патрульной службы. И приказ о моем новом назначении уже час как вступил в силу.

— Что у вас со здоровьем? — поинтересовался Райм.

Амелия некоторое время колебалась, продолжая смотреть на его ноги, но затем все же чуть слышно выговорила:

— У меня артрит.

— Неужели?

— Хронический.

— Какая жалость!

— Я подняла телефонную трубку сегодня только потому, что дежурный офицер заболел и не вышел на

службу, — оправдывалась Амелия. — Я вовсе не планировала осматривать место преступления.

— Да, это верно. У меня тоже были на этот день совершенно другие планы, — понимающе кивнул Линкольн. — А теперь давайте приступим к анализу наших вещественных доказательств.

ГЛАВА 6

Обыкновенный болт...

Классическое правило исследования вещественных доказательств: в первую очередь анализируй самые необычные предметы.

Том вертел в разные стороны целлофановый пакет, а Райм внимательно рассматривал находящийся в нем болт, наполовину ржавый, со сбитыми фасками и изношенной резьбой.

— Ты уверен насчет отпечатков пальцев? Использовался ли тонкодисперсный реактив, применяемый для этой цели?

— Да, — подтвердил Мэл Купер.

— Том, — раздраженно сказал Райм, — убери у меня со лба волосы и зачеши их назад. Я еще утром просил тебя это сделать.

Помощник вздохнул и принялся укладывать непослушные черные пряди.

— Осторожнее! — предупредил он, когда Райм недовольно дернул головой, отчего расческа еще глубже завязла в волосах.

Амелия Сакс, насупившись, сидела в углу. Ноги она убрала под стул, и сейчас ее ступни занимали положение, словно у бегуна на старте. Казалось, что женщина с нетерпением ожидает возможности сорваться с места.

Внимание Райма вновь переключилось на болт. Когда Линкольн еще работал в полицейском

управлении, он начал составлять обширную базу данных, включающих в себя всевозможные характеристики оружия, пуль, волокон ткани, отпечатков протекторов шин, следов моторного масла, обуви, различных инструментов и тому подобного. Он потратил сотни часов, систематизируя эти данные, присваивая им номера и индексы.

Но несмотря на свой гигантский труд, он так и не добрался до каталогизации скобяных изделий. Теперь он злился на себя за то, что не успел это сделать, но еще больше его сердил Винс Перетти, который так и не удосужился продолжить его работу.

— Нам необходимо дозвониться до каждого изготовителя и продавца подобных болтов в северо-восточном районе города. Нет, во всей стране. Надо выяснить, кто их делает и кому продает. Перешлите факсом описание и чертеж этого болта нашим диспетчерам. Пусть начинают работу.

— Послушайте, таких изготовителей, а тем более магазинов, могут быть миллионы! В каждом крупном универмаге обязательно есть отдел, где торгуют болтами.

— Не думаю, — задумчиво произнес Райм. — В таком случае он не стал бы оставлять нам эту вещицу. Здесь что-то не так. Могу поспорить, что наш болт особенный и их выпускают в весьма ограниченном количестве.

Селитто набрал номер и через минуту доложил Райму:

— Нам выделили четырех диспетчеров. Теперь

вопрос: где нам взять список фирм — производителей этих болтов?

— Пошлите патрульного на Сорок вторую улицу, — распорядился Линкольн. — Там в Публичной библиотеке есть каталоги, но, пока он их не раздобыл, пусть диспетчеры начинают обзванивать тех, кто занесен в «Желтые страницы».

Селитто повторил приказ в телефонную трубку. Райм с беспокойством посмотрел на часы. Половина второго.

— Теперь перейдем к асбесту.

На секунду это слово будто зависло у него в мозгу, вызывая смутные воспоминания и ассоциации. Что же такого знакомого в этом слове? Линкольну показалось, что ему совсем недавно попадалось упоминание именно об асбесте. Но где? К тому же в последнее время он перестал доверять своим ощущениям. Тем более он уже не мог точно сказать, как давно это было. Когда приходится лежать день за днем, месяц за месяцем без движения, время замедляет свой бег. Может быть, это проклятое слово «асбест» попадалось ему в литературе и два года назад.

— Что нам известно об асбесте? — вслух рассуждал Райм.

Ему никто не ответил, да он и не ждал этого, так как знал ответ сам. Асбест представлял собой набор сложных силикатов, негорючих, так как, подобно стеклу, они уже подверглись полному окислению. Часто его применяют как наполнитель для

изготовления строительных конструкций.

Когда-то, при расследовании убийства полицейского тем самым Дэном Шепардом, работая вместе с судебными антропологами и одонтологами, Райму пришлось осматривать помещение, облицованное асбоцементными плитами. Он до сих пор помнил привкус пыли, проникавший в легкие, невзирая на защитную маску. Тогда труп копа был найден ими в генераторной, куда его сбросил убийца, на станции метро «Сити-Холл». Именно в тот момент, когда Райм расстегивал на груди полицейского рубашку, послышался треск и на него рухнула та самая проклятая балка. Маска не дала ему задохнуться от поднявшихся облаков пыли и строительного мусора.

— Может быть, подозреваемый прячет жертву на каком-нибудь строительном объекте? Там, где сейчас идет уборка мусора, — предположил Селитто.

— Может быть, — согласился Райм.

Селитто обратился к своему молодому помощнику:

— Джерри, позвони в Управление по охране окружающей среды и выясни, где сейчас завершаются строительные работы и вывозится мусор.

— Боу, у тебя есть команды, готовые к работе? — поинтересовался Райм.

— Одна готова приступить прямо сейчас, — подтвердил Хауманн. — Хотя, надо сказать, половину сил сейчас привлекли в связи с работой конференции. Отдел безопасности ООН и секретная служба вроде

как одолжили у нас сотрудников.

— Я получил кое-какую информацию от экологов, — поманил Бэнкс Хауманна, и они отошли в сторонку.

Они отодвинули несколько стопок книг, и Хауманн развернул на освободившемся месте карту города. С одной из книг что-то свалилось прямо на нее.

— О господи! — от неожиданности подпрыгнул Бэнкс.

Со своего ложа Райм не мог видеть, что у них упало. После секундного замешательства Хауманн нагнулся и, подняв с пола фрагмент позвоночника, снова водрузил его на книги.

Райм почувствовал, как на него устремились взгляды всех присутствующих, однако не стал распространяться по поводу находки. Хауманн снова склонился над картой, и Бэнкс стал сообщать ему все, что узнал по телефону о строительных участках, где в данный момент могла производиться уборка мусора. Боу отмечал места фломастером. Выяснилось, что таких участков в городе было огромное количество и все они находились в самых разных районах. Картина вырисовывалась не слишком вдохновляющая.

— Надо сузить места поиска, — предложил Райм. — Давайте посмотрим, что у нас с песком. Купер, что лично ты о нем думаешь?

Селитто передал Боу пакет, и тот высыпал его содержимое на эмалированный поднос. Поблескивающий порошок оставил в воздухе

небольшое облачко пыли. В самом центре кучки оказался и маленький камешек.

У Линкольна Райма перехватило горло. Но не от того, что он увидел: Линкольн пока что еще даже не смотрел на песок. Порыв схватить ручку, зародившийся в мозгу, отозвался болезненным импульсом, замершим на половине пути, так и не дойдя до бесчувственных пальцев. Давно он уже не испытывал ничего подобного. Он еле сдержался, чтобы не расплакаться от обиды, как ребенок. И только вид пузырька с секоналом да пластикового пакета, оставленных доктором Бергером, немного успокоил его. Они, как ангелы-спасители, присутствовали в комнате, не давая ее хозяину до конца расслабиться.

Он прокашлялся.

— Отпечатки!

— Что? — переспросил Купер.

— На этом камне должны быть отпечатки пальцев. Селитто вопросительно посмотрел на Линкольна.

— Камень попал сюда случайно. Он не относится к песку, — начинал сердиться Райм. — Котлеты отдельно, а мухи отдельно. Мне важно знать, что тут делает этот камешек. Проверь-ка его на предмет отпечатков.

Используя щипцы с фарфоровыми наконечниками, Купер осторожно извлек из песка камень и внимательно оглядел его со всех сторон. Затем надел очки и направил на камень луч фонаря.

— Ничего? — нетерпеливо поинтересовался Райм.

Существует методика «показания вакуумного металла», очень важная для выявления скрытых отпечатков пальцев на непористых поверхностях. В вакуумной камере, куда помещается анализируемый предмет, начинается испарение золота или цинка, и тончайший слой металла покрывает скрытые отпечатки. При этом пальцевой узор становится виден во всем своем великолепии — с бугорками и завитками.

Но именно этого приспособления у Купера с собой сейчас не оказалось.

— Так что у тебя вообще есть? — недовольно спросил Райм.

— Черный седан, стабилизированный физический проявитель, йод, черный амидо, магнитный порошок... Да мало ли чего!

Кроме этого, он захватил с собой нингидрин для поиска отпечатков на пористой поверхности и суперклей для гладких поверхностей. Райм сразу вспомнил о тех открытиях в криминалистике, потрясших эту науку всего несколько лет назад. Технический служащий в лаборатории американских вооруженных сил, расположенных в Японии, использовал суперклей, чтобы починить сломанный фотоаппарат. Каково же было его изумление, когда из-за воздействия паров клеящего вещества на камере проявились скрытые отпечатки множества пальцев, причем намного ярче, чем это делалось при помощи других реактивов.

Именно этот метод и собирался сейчас применить

Купер. При помощи щипцов он поместил камешек в стеклянную коробочку и капнул клеем на горячую пластину, прикрепленную внутри. Через несколько минут камень был извлечен наружу.

— Что-то есть, — важно сообщил он и принялся оглаживать камень кисточкой с порошком, видимым в ультрафиолетовых лучах.

После этого на камень был направлен специальный луч, и в самой его середине проявился отчетливый отпечаток. Его тут же сфотографировали в натуральную величину «поляроидом» и передали снимок Райму.

— Поближе, пожалуйста, — прищурившись, попросил Линкольн. — Да, он прокатал палец по камню!

Когда палец «катается» по предмету, отпечаток несколько отличается от того, как если бы этот предмет просто брали в руки. Конечно, неспециалист не заметил бы разницы, может быть только в ширине бороздок на пальцевом узоре, но эксперту все становилось ясно с первого же взгляда.

— Посмотрите-ка, а это что такое? — внезапно встрепенулся Райм. — Я имею в виду вот эту линию.

Над самым отпечатком пальца виднелся полумесяц.

— Похоже на...

— Вот именно! — подхватил Райм. — Это след от ее ногтя. В нормальных условиях такой след было бы сложно получить. Могу поспорить, что он специально смазал отпечаток пальца.

— А зачем ему все это? — изумилась Сакс.

Райм снова начинал сердиться на всех окружающих лишь за то, что они не успевали так же быстро, как и он, схватывать информацию и делать выводы, и поэтому принялся объяснять:

— Своей очередной «постановкой» он пытается передать нам два сообщения. Во-первых, подчеркнуть, что его жертва — женщина. Это на всякий случай, если мы до сих пор не догадались, что между ней и сегодняшним трупом имеется некоторая связь.

— Но почему так сложно? — недоумевал Бэнкс.

— Чтобы заставить нас лишний раз попотеть, — огрызнулся Райм. — Теперь он четко показал нам, что женщина находится у него в руках и ей угрожает опасность.

Взгляд Линкольна случайно упал на руки Амелии, и его неприятно удивило, что у такой красивой женщины столь неухоженные ногти. Мало того, некоторые пальцы были обмотаны пластырем, а на других ногти обгрызены до самого мяса. На одном ногте даже запеклась кровь. Он посмотрел на ее лицо и сразу заметил покраснение под бровями. «Наверное, от неумелого выщипывания», — подумал Райм. А возле уха — самая настоящая царапина. Все признаки самостоятельного разрушения собственного организма. Оказывается, в мире существует еще миллион других способов уделать себя, кроме как с помощью арманьяка и таблеток.

— И вот еще что хочет рассказать нам наш предполагаемый подозреваемый, — громко объявил

Райм. — И я уже, кажется, говорил вам об этом. Ему кое-что известно о вещественных доказательствах и о том, как проводится судебная экспертиза. Поэтому он требует от нас, чтобы мы начали мыслить нестандартно и действовать не по правилам. Он предупреждает, что все вещи, которые он нам оставил на месте преступления, необычны и анализировать их надо тоже с умом. Во всяком случае, так думает он. Тем не менее мы, как я считаю, все равно разберемся в этом деле. Могу биться об заклад! — Внезапно Райм нахмурился. — Карта! Нам нужна карта. Том!

— Какая карта? — попытался уточнить помощник.

— Ты знаешь, какую именно я имею в виду!

Том устало вздохнул:

— Понятия не имею, Линкольн.

Глядя в окно и разговаривая сам с собой вполголоса, Райм рассуждал:

— Подземные туннели бутлегеров, тайные входы, асбест... Все это относится к делам минувших дней. По всей вероятности, ему нравится история. Старинный Нью-Йорк... Мне нужна карта Рандела.

— И где она лежит?

— В материалах для исторического обзора в моей книге, где же еще?

Том сразу отыскал нужную папку и извлек оттуда ксерокопию карты Манхэттена:

— Эта?

— Да-да, именно эта!

Это была карта Нью-Йорка 1811 года, выполненная специально для планирования

решетчатой структуры расположения улиц в городе. Карта была начерчена в горизонтальной плоскости, причем южный Бэттери-парк располагался слева, а Гарлем, который на самом деле находится на севере, оказался справа. Расположенный таким необычным способом, весь остров напоминал тело прыгающей, готовой к нападению собаки с чуть приподнятой узкой головой.

— Прилепи ее на стенку... Вот так.

Как только Том выполнил это поручение. Линкольн довольно улыбнулся:

— Знаешь что, Том, пожалуй, мы примем тебя в нашу команду. Будем работать вместе. Лон, выдай ему блестящий значок или еще что-нибудь.

— Ну, Линкольн... — Том посмотрел на хозяина укоризненно.

— Нет-нет, ты нам действительно нужен. По моему, ты в душе всегда мечтал стать кем-то вроде Сэма Спейда — или Коджака?

— Только Джуди Гарленд, — ответил Том.

— В таком случае ты будешь нашей персональной Джессикой Флетчер! Тебе вменяется в обязанность составить портрет нашего подозреваемого. Не теряй времени и доставай свою роскошную ручку, которая вечно торчит у тебя из нагрудного кармана без дела!

Молодой человек лишь закатил глаза к потолку, но потом послушно вынул из кармана рубашки паркер и взял со стола новенький блокнот.

— Нет, я придумал кое-что получше, — провозгласил Райм. — Мы воспользуемся одним из

моих плакатов. Да, тех самых, с репродукциями. Приклей его обратной стороной на стену, а писать будешь толстым маркером, крупными печатными буквами, чтобы мне хорошо было видно.

Том выбрал «Водяные лилии» Моне и пристроил плакат на стене так, чтобы он хорошо был виден Райму с постели.

— Наверху пиши: «Предпод номер восемьсот двадцать три». Затем рисуй таблицу из четырех колонок. Озаглавь их так: «Внешность», «Место жительства», «Транспортные средства», «Прочее». Чудесно. Итак, начинаем. Что нам о нем вообще известно?

— Его транспортное средство — самое обыкновенное такси желтого цвета, — тут же включился Селитто.

— Правильно. А в столбце «Прочее» надо первым делом записать, что ему известно многое о криминалистике и методах, используемых для проведения анализа вещественных доказательств.

— А ведь это, в свою очередь, может означать, — добавил Лон, — что он успел хлебнуть свою порцию.

— Не понял вас, — удивился Том.

— Я хотел сказать, что наш подозреваемый, вероятно, уже имел судимость, раз так неплохо разбирается в криминалистике.

— Может быть, стоит добавить, что у него есть кольт тридцать второго калибра? — подал голос Бэнкс.

— Черт возьми, конечно! — поддержал его Лон.

— И еще он разбирается в капиллярных линиях, — добавил Райм.

— В чем? — снова недопонял Том.

— В отпечатках пальцев. Если приглядеться, они действительно представляют собой самые настоящие узоры. И еще внеси в таблицу, что он, скорее всего, имеет безопасное жилье, откуда и начинает действовать. Прекрасно. Вы только посмотрите на Тома. По-моему, его истинное призвание — криминалистика!

Том вспыхнул и отступил от стены, стряхивая с рубашки прилипшую паутину.

— Ну вот, ребята, — подытожил Селитто, — это наше первое знакомство с предподом номер восемьсот двадцать три.

<i>Предпод № 823</i>			
Внешность	Место жительства	Транспортные средства	Прочее
	Возможно, имеет безопасный дом	Стандартное желтое такси	Знаком с методами криминалистики
			Возможно, ранее судим
			Знаком с дактилоскопической экспертизой
			Кольт 32-го калибра

Райм повернулся к Мэлу Куперу:

— Пойдем дальше. Что у нас там с песком?

Купер сдвинул очки на бледный лоб, насыпал немного песка на предметное стеклышко микроскопа поляризованного света и начал настраивать резкость.

— Гм-м... Забавно. Отсутствует двойное лучепреломление. Поляризующие микроскопы показывают двойную рефракцию кристаллов, волокон и некоторых других материалов. При исследовании обычного морского берегового песка это особенно хорошо видно в окуляр.

— Значит, это вовсе не песок, — пробормотал Райм, — а нечто совсем другое. — Ты можешь индивидуализировать это вещество?

Индивидуализация... Конечная цель криминалиста. Большинство вещественных доказательств может быть идентифицировано. Но даже если вы определили предмет, остаются сотни или даже тысячи источников, откуда он мог появиться. Если же вам удалось его индивидуализировать, значит вы уже знаете источник происхождения этого вещества либо количество таких источников весьма ограничено. Это может быть отпечаток пальца, формула ДНК, кусочек краски, который отвалился как раз от машины подозреваемого и подходит и по цвету, и по форме к поврежденной поверхности как маленький фрагмент мозаики, незначительный сам по себе, но в совокупности с остальными кусочками делающий картину вполне законченной.

— Может быть, — вздохнул Мэл, — только для начала мне надо определить, что это вообще такое.

— Измельченное стекло? — предположил Райм.

По сути, стекло — это расплавленный и спаянный песок, но процесс изготовления стекла меняет структуру кристаллов. Измельченное стекло под микроскопом не покажет также двойной рефракции. Купер впился глазами в непонятное вещество:

— Нет, на стекло и вовсе не похоже. Даже предположить не могу, что это такое. Жаль, у нас здесь нет рентгеновского аппарата с рассеянной энергией!

Сканирующий электронный микроскоп, соединенный с рентгеновским аппаратом рассеянной энергии, — довольно распространенный инструмент в современной криминалистике. Он обнаруживает даже самые незначительные включения в любом образце, который подвергается анализу.

— Достаньте ему такой прибор, — приказал Райм Селитто и оглядел комнату. — И еще нужен вакуумный аппарат для отпечатков пальцев. Не помешает и хромато-масс-спектрометрия.

Газовый хроматограф разделял вещества на составные элементы, а масс-спектрометрия помогала определить каждый из них. Эти приборы позволяли криминалистам работать с микроскопическими образцами, сравнивая результаты со множеством систематизированных в каталогах веществ.

Селитто тут же связался с лабораторией и объявил о своей просьбе.

— Однако мы не можем пассивно дожидаться этих дорогих игрушек, Мэл, — заявил Райм. — Придется

нам действовать старомодным способом. Что ты еще можешь мне рассказать о нашем лжепесочке?

— Он смешан с грязью. Есть включения глины, кварца, полевого шпата и слюды. Наблюдаются микроскопические следы разложившихся растений. Попадаетея также то, что может оказаться бентонитом.

— Бентонит, — с удовольствием повторил Райм. — Это вулканический туф и пепел, спрессованные в морских отложениях. Он встречается при закладке глубоких фундаментов, и строители добавляют его в жидкое цементное тесто. Это предохраняет здание от оседания. Итак, мы ищем район новостроек, поблизости от побережья — возможно, к югу от Тридцать четвертой улицы. Севернее коренные породы располагаются близко к поверхности, и подобной заливки фундаментов там не требуется.

— Если продолжать играть вслепую, — продолжал Мэл, — то я бы сказал, что основным элементом здесь является кальций... Подожди-ка, есть и какие-то волокна.

Он вновь закрутил ручками настройки, и Райм отдал бы все за возможность самому взглянуть в окуляр. Ему вспомнились те вечера, когда он до изнеможения прижимался к резиновому наглазнику микроскопа, разглядывая следы перегноя, кровяные клетки или мельчайшие металлические вкрапления в образцах.

— Вот, нашел! Какая-то крупная трехслойная гранула. Один слой напоминает роговой и два

кальциевых. Цвета немного отличаются, один из слоев — полупрозрачный.

— Три слоя? — сердито буркнул Райм. — Черт, это же частица морской раковины! — Теперь он уже сердился на самого себя. Что стоило догадаться раньше?!

— Да, именно так, — согласился Купер. — Похоже на устрицу.

Устричные отложения были известны лишь в районе Лонг-Айленда и Нью-Джерси. Райм втайне надеялся, что география поисков убежища преступника ограничится Манхэттеном, где была найдена первая жертва.

— В таком случае он предоставляет нам возможность прочесать весь город, — забормотал Линкольн, — и поиски становятся практически бессмысленными.

— Вижу еще кое-что, — снова заговорил Купер. — Похоже, это следы известняка, причем древнего, гранулированного.

— Может быть, это цемент? — предположил Райм.

— Не исключено. Но тогда я перестаю понимать, при чем здесь раковины, — пожал плечами Мэл. — Вокруг всего Нью-Йорка отложения раковин включают в себя массу грязи и перегнивших растений. Здесь же почему-то добавлен цемент, а растительные включения ничтожны.

— Края! — неожиданно рявкнул Райм. — Края! Какие края у твоей раковины, Мэл?

Купер прильнул к окуляру:

— Обломанные, не сглаженные водой. Такое происходит при сухом дроблении. Эта раковина давно не лежала в воде.

Глаза Райма двигались по карте Рандела справа налево. Наконец его взгляд замер на том месте, где у «прыгающей собаки» находился крестец.

— Есть! — выкрикнул он. — Теперь мне все ясно.

В 1913 году Ф. У. Вулворт выстроил здание в шестьдесят этажей, до сих пор носящее его имя. Оно знаменито своей архитектурной терракотой, из которой были вырезаны фигуры химер и прочих готических чудовищ. В течение шестнадцати лет здание оставалось самым высоким в мире. Из-за того что почва в этом месте Манхэттена была намного ниже, чем уровень Бродвея, строителям пришлось выкопать очень глубокий котлован для возведения массивного фундамента. Во время работ случайно были обнаружены останки промышленника Талбота Соамса, похищенного в 1906 году. Они были погребены в породе, напоминавшей белый песок, но на самом деле оказавшейся измельченным ракушечником. Газеты вовсю трубили о том, что тучный обжора-магнат и после смерти не нашел в себе сил расстаться со столь любимыми им при жизни устрицами. Из-за того что эти моллюски во множестве встречались на восточной оконечности Манхэттена и все мусорные баки были завалены их раковинами, получила свое название Перл-стрит, то есть Перламутровая.

— Заложница должна быть где-то в центре города,

— объявил Райм. — В деловой части, скорее всего, ближе к Восточному Манхэттену. И возможно, на Перл-стрит. Она находится под землей на глубине от пяти до пятнадцати футов. Может быть, это новостройка или просто подвал. Надо искать старинное здание или туннель. Джерри, еще раз быстренько проверь по информации Управления по охране окружающей среды, где сейчас ведется вывоз асбеста.

— По Перл-стрит таких участков нет, — отозвался молодой детектив, отрывая взгляд от карты, над которой они с Хауманном сейчас работали. — Зато в других районах их не меньше трех дюжин: и в Гарлеме, и в Бронксе... В деловой части ничего похожего нет.

— Асбест... асбест... — как замороженный повторял Райм. — Что же такого еще может сообщить нам этот чертов асбест?

Часы показывали уже пять минут третьего.

— Боу, в любом случае нам надо начинать действовать. Бери своих людей и бросай их на поиски. Проверьте все до одного дома по Перл-стрит. И Уотер-стрит тоже.

— Ничего себе! — ахнул полицейский. — Представляешь, сколько там этих домов?! — И он направился к двери.

— Лон, тебе тоже надо идти, — обратился Райм к Селитто. — Чем больше людей, тем больше шансов на успех. Придется задействовать все имеющиеся у нас резервы. Амелия, я хочу, чтобы вы тоже участвовали в

поисках жертвы.

— Послушайте, я как раз думала о том, что...

— Офицер Сакс, — перебил ее Селитто, — по моему, приказы надо выполнять, а не обсуждать.

Она бросила на него сердитый взгляд, который сразу же сказался на ее привлекательной внешности.

— Мэл, ты приехал сюда на своем автобусе? — спросил Райм Купера.

— Именно так. На эс-эн-эр.

В автобусах, которые вызывали на место преступления для сбора и анализа вещественных доказательств, находилось такое количество всевозможной аппаратуры, которому позавидовала бы криминалистическая лаборатория небольшого города. Когда Райм еще служил в следственном управлении, он приказал использовать более маневренные микроавтобусы. Их называли СНР — средство немедленного реагирования. С виду эти машины казались обычным городским транспортом, но Райм добился, чтобы их двигатели заменили на турбинные, такие, которые стоят в полицейских машинах перехвата. Впоследствии частенько случалось так, что лабораторные микроавтобусы успевали прибыть на место преступления даже раньше полицейских патрульных машин и технические работники волевым образом становились там первыми офицерами. А это мечта каждого, кто работает в полиции.

— Передай ключи Амелии.

Купер повинился, и Сакс, застыв на несколько секунд, неожиданно сорвалась с места и бросилась к

лестнице. Райм отметил про себя, что даже ее шаги сейчас звучали как-то сердито.

— Ну хорошо, Лон. Что ты обо всем этом думаешь? — обратился Линкольн к Селитто.

Тот лишь посмотрел на пустую комнату и подошел поближе к приятелю:

— Ты действительно хочешь задействовать в этом расследовании Дэ-ка?

— Что такое Дэ-ка?

— Я имею в виду эту девушку, Сакс. У нее есть прозвище: Дэ-ка.

— Почему?

— Только не называй ее так в лицо, а то она начнет раздражаться. Ее отец был прекрасным полицейским в течение сорока лет. Он действительно был великолепным человеком, копом по призванию, поэтому ее стали называть Дэ-ка — «Дочь копа».

— А ты думаешь, что нам не следует ее подключать?

— Я ничего подобного не говорил. Просто мне интересно, почему ты выбрал именно ее?

— Потому что ей пришлось спуститься вниз по отвесной скале только ради того, чтобы сохранить место преступления в неприкосновенности. Кроме того, она самостоятельно перекрыла движение поездов. А это неплохое проявление инициативы.

— Ну и что? Я могу назвать тебе дюжину полицейских, которые поступили бы точно так же.

— Тем не менее мне нужна именно она, — строгим голосом произнес Райм, давая понять

Селитто, что дальнейшая дискуссия на эту тему неуместна.

— Я просто хотел сказать еще вот что, — смутился детектив. — Я только что разговаривал с Поллингом. Так как Перетти не включен непосредственно в расследование, могут возникнуть неприятности, если выяснится, что осмотр места преступления методом «решетки» производил самый обыкновенный патрульный полицейский.

— Возможно, так оно и будет, — безразлично произнес Райм, любуясь приклеенным к стене плакатом с начатым на нем описанием преступника. — Но мне кажется, что эта проблема и яйца выеденного не стоит по сравнению с теми, которые нас ждут уже сегодня.

И он опустил голову на мягкую подушку.

ГЛАВА 7

Микроавтобус мчался по направлению к грязным, закопченным районам Уолл-стрит в деловой части Нью-Йорка.

Пальцы Амелии Сакс нервно постукивали по рулю, когда она пыталась представить себе то злосчастное место, где томилась бедная Ти-Джей Колфакс. Амелии казалось, что найти девушку просто невозможно. Приближающийся финансовый центр города сейчас показался ей невероятно огромным, полным крошечных переулков и тупиков, весь усеянный люками, дверями и бесконечными черными окнами.

В любом из этих мест можно спрятать заложника.

Перед мысленным взором Сакс все еще стояла рука, торчащая из холмика возле железнодорожного полотна. И блеск кольца с бриллиантом, надетого на окровавленную кость пальца. Амелии были знакомы такие кольца: подобные украшения покупают себе богатые одинокие девушки. Будь у нее побольше денег, она приобрела бы себе нечто похожее.

Сейчас она мчалась на юг, лавируя в потоке машин и уклоняясь от столкновения с многочисленными велосипедистами.

Даже в такой солнечный сияющий жаркий день эта часть города казалась холодной и мрачной. Серые здания отбрасывали глубокую тень, а их стены покрывали темные потеки, напоминавшие